

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. При разрешении вопроса об исправлении ошибки, допущенной пенсионным органом при установлении или перерасчете размера пенсии, в случае отсутствия со стороны пенсионера виновных действий, приведших к неправомерному назначению или перерасчету пенсии, необходимо учитывать интересы пенсионера, особенности жизненной ситуации, в которой он находится, его возраст, продолжительность периода получения им пенсии в размере, неправильно определенном ему пенсионным органом, и другие значимые обстоятельства

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 22 августа 2022 г. № 44-КГ22-11-К7*

(Извлечение)

С. обратился в суд с иском к территориальному управлению Пенсионного фонда РФ (далее — пенсионный орган) о признании незаконными действий по снижению размера страховой пенсии по старости, об обязании произвести перерасчет размера страховой пенсии по старости.

В обоснование заявленных требований С. указал следующее. С 18 октября 2004 г. он являлся получателем страховой пенсии по старости. В сентябре 2020 г. истцу на банковскую карту была зачислена пенсия на 1045 руб. меньше, чем за прошлые периоды. Истец полагал, что снижение пенсионным органом размера пенсии по старости, являющейся для него единственным источником средств к существованию, необоснованно и существенно влияет на его материальное положение. С. просил суд признать незаконны-

ми указанные действия пенсионного органа, обязать пенсионный орган произвести перерасчет размера пенсии по старости с 18 октября 2004 г. исходя из наличия у него требуемого стажа для досрочного назначения пенсии по старости — 20 лет.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда апелляционной инстанции и определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судом установлено, что 27 августа 2020 г. пенсионным органом издано распоряжение о перерасчете размера страховой пенсии по старости. С 1 сентября 2020 г. в сторону уменьшения.

Уведомлением пенсионного органа от 14 сентября 2020 г. истцу сообщено, что в результате проверки его пенсионного дела была обнаружена ошибка, допущенная при перерасчете пенсии с 1 января 2010 г., а именно неправильно определен стаж, что привело к завышению размера пенсии. В соответствии с ч. 4 ст. 28 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях” устранение ошибки производится со следующего месяца после ее обнаружения, в связи с чем с 1 сентября 2020 г. размер страховой пенсии по старости С. составил 17 212 руб.

Разрешая спор и отказывая С. в удовлетворении исковых требований о признании незаконными действий пенсионного органа по снижению размера страховой пенсии по старости, возложении на пенсионный орган обязанности произвести перерасчет страховой пенсии по старости, суды первой и апелляционной инстанций сослались на положения указанной нормы Закона и исходили из того, что перерасчет пенсии С.,

произведенный пенсионным органом, был вызван необходимостью устранения ошибки, произошедшей по техническим причинам; пенсионный орган, обнаружив ошибку, имел законные основания для перерасчета размера пенсии С. в сторону уменьшения.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, признал их выводы правильными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 22 августа 2022 г. признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права ввиду следующего.

Согласно ч. 4 ст. 28 Федерального закона «О страховых пенсиях» в случае обнаружения органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, ошибки, допущенной при установлении и (или) выплате страховой пенсии, установлении, перерасчете размера, индексации и (или) выплате фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии), производится устранение ошибки в соответствии с законодательством Российской Федерации. Установление данной пенсии или выплаты в размере, предусмотренном законодательством Российской Федерации, или прекращение выплаты пенсии или выплаты в связи с отсутствием права на них производится с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором была обнаружена соответствующая ошибка.

Как указал Конституционный Суд РФ в абз. 1, 4 п. 5 Постановления от 14 января 2016 г. № 1-П, совершение органами, осуществляющими пенсионное обеспечение, при установлении пенсий тех или иных ошибок, в том числе носящих технический характер, — учитывая необходимость оценки значительного числа обстоятельств, с наличием которых закон связывает возникновение права на пенсию, включая проверку представленных документов и проведение математических подсчетов, — полностью исключить невозможно. Определение правовых способов исправления таких ошибок независимо от срока, прошедшего после их совершения, — право и обязанность государства. В случае выявления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии гражданину, — при отсутствии с его стороны каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению пенсии, — бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств.

Из подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права и правовой

позиции Конституционного Суда РФ следует, что законом предусмотрена возможность исправления ошибки, допущенной пенсионным органом при установлении или перерасчете размера пенсии. При этом необходимо соблюдение баланса публичных и частных интересов, вследствие чего бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключающего формальный подход. В связи с этим при разрешении вопроса об исправлении такой ошибки в случае отсутствия со стороны пенсионера каких-либо виновных действий, приведших к неправомерному назначению или перерасчету пенсии, должны учитываться интересы пенсионера, особенности жизненной ситуации, в которой он находится, его возраст, продолжительность периода получения им пенсии в размере, ошибочно установленном ему пенсионным органом, и другие значимые обстоятельства.

Суды первой и апелляционной инстанций при разрешении настоящего спора подлежащие применению к спорным отношениям нормы материального права и правовую позицию Конституционного Суда РФ во внимание не приняли, ограничившись выводом о том, что пенсионный орган, обнаружив произошедшую по техническим причинам ошибку, имел законные основания для перерасчета размера пенсии С.

Судебные инстанции не учли, что при определении правовых последствий допущенной пенсионным органом ошибки при перерасчете С. пенсии должны приниматься во внимание срок, в течение которого ошибка не была пенсионным органом выявлена и устранена, возраст С., его интересы, добросовестность его действий. Эти обстоятельства не вошли в предмет доказывания по делу и не получили соответствующей правовой оценки судов первой и апелляционной инстанций в нарушение положений ст.ст. 56 и 67 ГПК РФ.

Судебные инстанции не дали надлежащей правовой оценки доводам С. о том, что он родился в 1953 году, длительное время (с 1 января 2010 г. — более 10 лет) получал пенсию по старости в ошибочном, как полагал ответчик, размере, его право на пенсионное обеспечение должно было быть реализовано в соответствии с принципами поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, в связи с чем одностороннее изменение пенсионным органом размера его страховой пенсии по старости в сторону уменьшения существенно нарушило его пенсионные права и повлияло на его материальное положение.

Тем самым судебными инстанциями был допущен формальный подход к разрешению настоящего спора, вследствие чего на С. было возложено бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением допущенной пенсионным органом ошибки при перерасчете ему пенсии с 1 января 2010 г., при том, что со стороны истца отсутствовали какие-либо виновные действия.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе С. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. Факт проживания в закрытом военном городке гражданина, выразившего волю на переезд, является достаточным условием для признания за ним права на получение государственного жилищного сертификата

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 1 марта 2022 г. № 56-КГ21-23-К9*

(Извлечение)

У. и А., действующая также в интересах несовершеннолетних детей, обратились в суд с иском к федеральному государственному казенному учреждению “Восточное региональное управление жилищного обеспечения” Минобороны России, федеральному государственному казенному учреждению “Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений” Минобороны России, Минобороны России о признании права на отселение из закрытого военного городка, возложении обязанности включить в состав участников основной программы “Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством” государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации” (далее также — основная программа) и в единый реестр граждан, проживающих в закрытых военных городках, изъявивших желание получить сертификат.

В обоснование требований истцы указали следующее. В 1969 году бабушке А. — М. на семью из 5 человек было предоставлено жилое помещение. После смерти М. в квартире проживала А. с родителями. 25 февраля 2005 г. между матерью истца и федеральным государственным учреждением “Уссурийская квартирно-эксплуатационная часть района” Минобороны России заключен договор найма жилого помещения, в который А. была включена в качестве члена семьи нанимателя. На основании приказа заместителя Министра обороны России от 16 июля 2018 г. многоквартирный жилой дом, в котором проживала А., был признан аварийным и подлежащим сносу. А. с членами семьи были вселены в иное жилое помещение, в отношении которого 4 февраля 2019 г. между А. и Минобороны России в лице начальника территориального отделения федерального государственного казенно-

го учреждения “Восточное региональное управление жилищного обеспечения” Минобороны России (далее — ФГКУ “Востокрегионжилье”) был заключен договор социального найма. В качестве членов семьи А. в договор были включены муж нанимателя — У. и их несовершеннолетние дети.

Ввиду того, что многоквартирный жилой дом находится на территории закрытого военного городка и истцы не могут использовать свое право на приобретение занимаемого жилого помещения в собственность в порядке приватизации, они обратились в ФГКУ “Востокрегионжилье” с заявлением об отселении из закрытого военного городка, а именно о включении в состав участников основной программы.

14 мая 2019 г. в удовлетворении заявления истцов было отказано в связи с тем, что факт проживания на территории закрытого военного городка с января 2019 г. не является основанием для признания истца и членов ее семьи участниками указанной выше программы.

Считая данный отказ незаконным, истцы просили суд признать за ними право на отселение из закрытого военного городка путем получения социальной выплаты, удостоверяемой государственным жилищным сертификатом, возложить на ФГКУ “Востокрегионжилье” обязанность включить истцов в состав участников основной программы “Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством” государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации” и включить в единый реестр граждан, проживающих в закрытых военных городках, изъявивших желание получить сертификат.

Решением суда первой инстанции иски удовлетворены.

Апелляционным определением решение районного суда отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение оставлено без изменения.

Удовлетворяя иски, суд первой инстанции установил, что истец А. проживает в закрытом военном городке с 1987 года, ни она, ни члены ее семьи не имеют другого жилого помещения, не совершали намеренного ухудшения своих жилищных условий, а занимаемое жилое помещение предоставлено истцам взамен утраченного, в связи с чем пришел к выводу о том, что истцы имеют право на переселение из закрытого военного городка с предоставлением другого жилого помещения.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, указал на то, что правом на получение государственного жилищного сертификата обладают только лица,

перед которыми государство имеет обязательства по обеспечению их жильем, истцы же в трудовых отношениях с организациями, подведомственными Минобороны России, не состоят, членами семьи военнослужащего не являются, на учете нуждающихся в жилых помещениях не стоят, при этом не могут относиться к категории граждан, имеющих право на получение государственного жилищного сертификата исключительно по факту проживания в закрытом военном городке.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев 1 марта 2022 г. дело по кассационной жалобе У. и А., пришла к выводу о том, что апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение суда кассационной инстанции приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно абз. 9 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” к закрытым военным городкам относятся расположенные в населенных пунктах военные городки воинских частей, имеющие систему пропусков, а также отдельные обособленные военные городки воинских частей, расположенные вне населенных пунктов. Перечни закрытых военных городков утверждаются Правительством РФ по представлению Минобороны России (иного федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба).

В силу п. 6 ст. 15 указанного Федерального закона служебные жилые помещения и жилые помещения в закрытых военных городках не могут быть переданы безвозмездно в собственность занимающим их лицам.

Распоряжением Правительства РФ от 1 июня 2000 г. № 752-р военный городок, в котором проживают А. и члены ее семьи, включен в Перечень имеющих жилищный фонд закрытых военных городков Вооруженных Сил Российской Федерации и органов федеральной службы безопасности.

Разрешая спор по существу, суд апелляционной инстанции исходил из того, что предусмотренных подп. “б” п. 5 Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы “Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством” федеральной целевой программы “Жилище” на 2015—2020 годы, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 марта 2006 г. № 153, оснований и условий у истцов не имеется.

Вместе с тем на момент обращения А. с заявлением в ФГКУ “Востокрегионжилье” и направления ответчиком письма об отказе во включении в состав участников основного мероприятия от 14 мая 2019 г. действовала государственная программа Российской Федерации “Обеспе-

чение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”, утвержденная постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710.

Согласно п. 2 постановления Правительства РФ от 30 января 2019 г. № 62 “О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации” (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) выпуск и реализация государственных жилищных сертификатов в целях обеспечения жильем категорий граждан, государственные обязательства по обеспечению жильем которых установлены федеральным законодательством, в рамках реализации государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации” осуществляется в порядке, установленном Правилами выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации основного мероприятия “Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством” государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”, утвержденными постановлением Правительства РФ от 21 марта 2006 г. № 153.

Постановлением Правительства РФ от 21 марта 2006 г. № 153 (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) было установлено, что формой государственной финансовой поддержки обеспечения граждан жильем в рамках реализации основного мероприятия “Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством” государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”, утвержденной постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710, является предоставление им за счет средств федерального бюджета социальной выплаты на приобретение жилья, право на получение которой удостоверяется государственным жилищным сертификатом (п. 1).

В силу подп. “б” п. 5 названных выше Правил в редакции, действовавшей на момент принятия ФГКУ “Востокрегионжилье” решения об отказе в признании А. участником основного мероприятия, к одной из категорий граждан, имеющих право на получение социальной выплаты, удостоверяемой сертификатом, в рамках основного мероприятия, относятся граждане, подлежащие переселению из закрытых военных городков, граждане, уволенные с военной службы с правом на пенсию и проживающие в населенных пунктах, которые до исключения данного населенного пункта из перечня закрытых военных городков, утвержденного Правительством РФ, в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, в сфере ведения которого

находился этот военный городок, были поставлены на учет на получение социальной выплаты, удостоверяемой сертификатом, для переселения из закрытого военного городка, а также граждане, подлежащие переселению из поселков учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, не совершавшие в течение 5 лет до дня подачи заявления на участие в основном мероприятии намеренного ухудшения своих жилищных условий на территории закрытого военного городка (населенного пункта, исключенного из утвержденного Правительством РФ перечня закрытых военных городков, поселка).

Из буквального содержания приведенной нормы следует, что факт проживания гражданина в закрытом военном городке, выразившего волю на переезд, является достаточным условием для признания за ним права на получение жилищного сертификата.

Такое толкование согласуется с предписаниями п. 19 названных Правил, содержащими перечень документов, подлежащих предоставлению гражданами для участия в основном мероприятии, в абз. 5 подп. “а” которого не предусмотрена обязанность граждан, указанных в подп. “б” п. 5 этих Правил, предоставить вместе с заявлением выписку из решения органа по учету и распределению жилых помещений о постановке на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии жалоб об оспаривании подп. “б” п. 5 Правил, неоднократно обращал внимание на то, что эта норма предусматривает в качестве основания для получения социальной выплаты факт проживания граждан на территории закрытого военного городка. Такое правовое регулирование направлено на реализацию социальных гарантий в жилищной сфере с учетом предназначения закрытых военных городков, особый правовой режим которых связан с определенными ограничениями для проживания граждан (Определения от 23 июня 2015 г. № 1462-О, от 29 сентября 2015 г. № 2152-О, от 25 мая 2017 г. № 1137-О, от 27 июня 2017 г. № 1297-О, от 19 декабря 2017 г. № 2995-О).

Кроме того, с 1 сентября 2019 г. действует Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2019 г. № 239 “Об особенностях жилищного обеспечения граждан Российской Федерации, подлежащих переселению из закрытых военных городков”, в п. 1 которого в качестве одного из условий применения его положений также установлен факт проживания и желание переселиться из закрытого военного городка.

Обжалуемые судебные постановления приведенным требованиям закона не соответствуют.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции указал на то, что истцы не могут относиться к категории граждан, имеющих право на получение государственного жилищного сертификата исключительно по факту проживания в закрытом военном городке.

Между тем из анализа приведенных выше правовых норм в их совокупности следует, что самостоятельным и достаточным основанием для признания права гражданина на получение государственного жилищного сертификата является факт постоянного проживания в закрытом военном городке.

Суд кассационной инстанции, проверяя законность апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные им нарушения норм права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379⁶ и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение суда апелляционной инстанции и определение суда кассационной инстанции с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, составляет один год

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 18 января 2022 г. № 302-ЭС21-2560*

(Извлечение)

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным постановления о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, за непредставление по запросу антимонопольного органа информации и документов, предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, обществу отказано в удовлетворении требований.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, требования удовлетворены. Арбитражный суд округа посчитал, что обществом допущено нарушение в сфере порядка управления, в связи с чем срок давности привлечения к административной ответственности за такое правонарушение по общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, составляет два месяца, и этот срок истек на момент вынесения антимонопольным органом оспариваемого постановления о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 18 января 2020 г. отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, отметив следующее.

Частью 5 ст. 19.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за непредставление или несвоевременное представление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган сведений (информации), предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации, в том числе непредставление сведений (информации) по требованию указанных органов, а равно представление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган заведомо недостоверных сведений (информации).

В ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” установлена обязанность коммерческих организаций и некоммерческих организаций (их должностных лиц) представлять в антимонопольный орган (его должностным лицам) по его мотивированному требованию в установленный срок необходимые антимонопольному органу в соответствии с возложенными на него полномочиями документы, объяснения, информацию, соответственно, в письменной и устной форме (в том числе информацию, составляющую коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну), включая акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой записи или в форме записи на электронных носителях.

Из системного толкования указанных норм следует, что ответственность, предусмотренная ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, наступает при несоблюдении обязанности, установленной антимонопольным законодательством, а именно ст. 25 Федерального закона “О защите конкуренции”, т.е. за нарушение антимонопольного законодательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства установлен в один год.

Таким образом, невыполнение предусмотренной ст. 25 Федерального закона “О защите конкуренции” обязанности по представлению в антимонопольный орган (его должностным лицам) соответствующих сведений (информации) является нарушением антимонопольного законодательства, и в данном случае применению подлежит ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, устанавливающая годичный срок давности привлечения к административной ответственности.

То обстоятельство, что ст. 4.5 КоАП РФ содержит перечень правонарушений против порядка управления, по которым срок давности привлечения к административной ответственности составляет один год, и вменяемое обществу административное правонарушение не входит в этот перечень, неправомерно расценено арбитражным судом округа как основание для применения к правонарушению, предусмотренному ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, общего срока давности, установленного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, а именно два месяца со дня совершения правонарушения, поскольку указанное правонарушение является нарушением антимонопольного законодательства, в отношении которого в ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ ус-

тановлен специальный срок давности привлечения к административной ответственности.

Как следует из материалов дела, предусмотренный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ годичный срок давности привлечения к административной ответственности за совершенное обществом правонарушение не истек на момент вынесения антимонопольным органом оспариваемого постановления о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ.

Таким образом, у арбитражного суда округа отсутствовали основания для отмены решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Положение о порядке перерасчета квартирной платы и платы за коммунальные услуги, утвержденное указанием Госкомитета ЖКХ РСФСР от 30 декабря 1983 г. № С-2784, признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2022 г. № АКПИ22-157, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2022 г. № АПЛ22-247

2. Пункт 7, подп. “б” п. 8, сноски <7> примерной формы договора о закреплении и предоставлении доли квоты добычи (вылова) водных биологических ресурсов, предоставленной на инвестиционные цели в области рыболовства для осуществления промышленного рыболовства и (или) прибрежного рыболовства, утвержденной постановлением Правительства РФ от 25 мая 2017 г. № 632, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 мая 2022 г. № АКПИ22-170, вступившее в законную силу

3. Пункт 1.5 Инструкции о порядке назначения и выплаты ежемесячного пожизненного содержания, ежемесячного денежного содержания по инвалидности судьям Верховного Суда Российской Федерации, федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировых судьям, ежемесячного возмещения в связи с гибелью (смертью) судьи, в том числе пребывавшего в отставке, нетрудоспособным членам семьи судьи, находившимся на его иждивении, утвержденной приказом Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 10 августа 2015 г. № 669кд/234, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 31 августа 2022 г. № АКПИ22-519, вступившее в законную силу

4. Оспариваемый частично п. 5 приложения № 1 к Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 августа 2022 г. № АКПИ22-465,
вступившее в законную силу*

5. Оспариваемый частично п. 2 изменений, которые вносятся в приказ ФАС России от 19 июня 2018 г. № 834/18 “Об утверждении Регламента установления цен (тарифов) и (или) их предельных уровней, предусматривающего порядок регистрации, принятия к рассмотрению и выдачи отказов в рассмотрении заявлений об установлении цен (тарифов) и (или) их предельных уровней, и формы решения органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов”, утвержденных приказом ФАС России от 14 октября 2021 г. № 1111/21, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 28 июля 2022 г. № АКПИ22-401,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 декабря 2022 г. № АПЛ22-527*

6. Подпункты 1.3, 1.6 п. 1 приказа Минфина России от 4 июня 2018 г. № 126н “Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 сентября 2022 г. № АКПИ22-624,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 декабря 2022 г. № АПЛ22-518*

7. Пункт 13¹ Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 696, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 13 сентября 2022 г. № АКПИ22-604,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 декабря 2022 г. № АПЛ22-525*

8. Подпункт 76.2 п. 76 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденного приказом МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 июля 2022 г. № АКПИ22-365,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 октября 2022 г. № АПЛ22-407*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения лицом нового умышленного преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу обвинительным приговором, то такое лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания

*Постановление Президиума Верховного Суда РФ
от 16 февраля 2022 г. № 225-П21*

(Извлечение)

По приговору Верховного суда Республики Бурятия от 19 января 2016 г. Д. (ранее судимый 6 сентября 2012 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158, пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к двум годам шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года) признан виновным в совершении ряда преступлений в ночь с 31 августа на 1 сентября 2014 г. и осужден по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к четырнадцати годам шести месяцам лишения свободы с ограничением свободы на один год шесть месяцев, по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ — к девяти годам шести месяцам лишения свободы с ограничением свободы на один год, по ч. 4 ст. 166 УК РФ — к шести годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 167 УК РФ — к десяти месяцам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 и ст. 70 УК РФ назначено окончательное наказание девятнадцать лет шесть месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на два года.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июня 2016 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением Советского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 21 октября 2016 г., вынесенным в порядке ст.ст. 397, 399 УПК РФ, по совокупности приговоров на основании ст. 70 УК РФ Д. назначено девятнадцать лет один месяц лишения свободы в исправитель-

ной колонии строгого режима с ограничением свободы на два года.

В надзорной жалобе осужденный подверг сомнению законность назначения ему наказания на основании ст. 70 УК РФ, ссылаясь на то, что его следовало освободить от наказания по приговору от 6 сентября 2012 г., по которому он был осужден к лишению свободы условно, в связи с актом об амнистии.

Президиум Верховного Суда РФ 16 февраля 2022 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов” (далее — Постановление об объявлении амнистии) условно осужденные подлежали освобождению от наказания.

Д. был осужден 6 сентября 2012 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158, пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ по совокупности преступлений к двум годам шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

По приговору Верховного суда Республики Бурятия на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение по указанному приговору отменено и окончательное наказание назначено по правилам ст. 70 УК РФ.

При рассмотрении уголовного дела судами первой и апелляционной инстанций вопрос о возможности применения акта об амнистии по первому приговору в отношении Д. не обсуждался.

Между тем Д. нельзя признать злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в связи с его судимостью по приговору от 6 сентября 2012 г.

По смыслу подп. 5 п. 19 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД “О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов” факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен быть подтвержден на день вступления в силу акта об амнистии постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу приговором.

Такие процессуальные, в том числе судебные, решения в отношении Д. не выносились, и совершение им новых преступлений на день вступления в силу акта об амнистии вступившим в законную силу приговором подтверждено не было.

Других обстоятельств, препятствующих применению п. 4 Постановления об объявлении амнистии в отношении Д. не имеется, поэтому он подлежал освобождению от наказания по приговору от 6 сентября 2012 г.

Кроме того, исходя из положений п. 12 Постановления об объявлении амнистии освобождение от наказания на основании п. 4 влечет за собой снятие судимости с указанных лиц.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор и апелляционное определение, а также постановление от 21 октября 2016 г. (в части внесения изменений в судебные решения): исключил указания о судимости Д. по приговору от 6 сентября 2012 г., об отмене условного осуждения и о назначении наказания по совокупности приговоров в соответствии со ст. 70 УК РФ.

2. Покушение на умышленное уничтожение имущества обоснованно признано совершенным общеопасным способом, поскольку поджог автомобиля создавал угрозу уничтожения или повреждения огнем дома потерпевшего, а также других домов, расположенных на улице в частном секторе населенного пункта

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 15 декабря 2021 г. № 67-УД21-23-А5*

(Извлечение)

По приговору Новосибирского областного суда от 31 октября 2019 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Х., ранее судимый, осужден по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. “а” ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Х. признан виновным в организации покушения на похищение И. группой лиц по предварительному сговору и руководстве его исполнением, а также в организации покушения на умышленное уничтожение имущества Л. путем поджога, совершенное с причинением значительного ущерба, и руководстве его исполнением. Умысел осужденного на уничтожение автомобиля не был доведен до конца по независящим от него обстоятельствам, в связи со своевременным обнаружением потерпевшим Л. поджога автомобиля и принятием мер к его тушению, в результате чего удалось локализовать возгорание и автомобиль не был полностью уничтожен огнем.

В кассационной жалобе осужденный Х. оспаривал приговор в части квалификации его действий по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, утверждал, что выводы суда о причинении потерпевшему значительного ущерба в результате поджога его автомобиля и совершении преступления общеопасным способом являются необоснованными, ссылаясь на то, что судом не исследовался вопрос о составе семьи потерпевшего, наличии доходов у членов его семьи и собственности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 декабря 2021 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, указав следующее.

На основании исследованных в судебном заседании и приведенных в приговоре доказа-

тельств, сведений, содержащихся, в частности, в протоколе осмотра места происшествия, показаниях потерпевшего Л., записи телефонного разговора Х. с Я., судом установлено, что принадлежавший потерпевшему автомобиль в момент его поджога находился в пределах ограды жилого дома, расположенного в населенном пункте на участке, непосредственно прилегающем к дому потерпевшего, рядом с автомобилем ВАЗ 2121 “Нива” располагались другие хозяйственные постройки и служебный автомобиль потерпевшего УАЗ. При этом подожженный автомобиль стоял непосредственно возле окон жилого дома.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции правильно указал, что при организованном Х. покушении на уничтожение имуще-

ства потерпевшего путем поджога подсудимыми был выбран общеопасный способ совершения преступления, так как пожар создавал угрозу уничтожения или повреждения огнем дома потерпевшего, а также других домов, расположенных на улице в частном секторе указанного населенного пункта.

Установленная стоимость автомобиля на момент поджога, показания Л. о существенности причиненного ему ущерба, связанного с размером восстановительного ремонта автомобиля, об уровне дохода его семьи и необходимости ежедневного использования автомобиля свидетельствуют о причинении Л. в результате преступления значительного реального материального ущерба, что является обязательным признаком состава данного преступления.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Незаконные приобретение и хранение одного боеприпаса — винтовочного патрона, с учетом мотива и цели деяния, являются основанием для применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Второго кассационного суда общей юрисдикции
от 25 мая 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Гагаринского районного суда Смоленской области от 12 февраля 2020 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, У. осужден по п. “г” ч. 3 ст. 158 и ч. 1 ст. 222 УК РФ.

У. признан виновным в краже денежных средств, совершенной с банковского счета потерпевшего, и в незаконном приобретении и хранении одного боеприпаса — винтовочного патрона.

В кассационной жалобе осужденный просил назначить ему наказание по ч. 1 ст. 222 УК РФ, не связанное с лишением свободы, поскольку патроны, среди которых был и винтовочный патрон, он нашел в лесу; тяжкие последствия в результате его действий не наступили.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции 25 мая 2021 г. отменила приговор и апелляционное определение в части осуждения У. по ч. 1 ст. 222 УК РФ с прекращением дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ с признанием за ним права на реабилитацию, мотивировав свое решение следующим.

При квалификации действий У. по ч. 1 ст. 222 УК РФ суд первой инстанции не принял во внимание разъяснения, содержащиеся в п. 22¹ по-

становления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств” (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2019 г. № 15), согласно которым при правовой оценке действий, предусмотренных ч. 1 или ч. 4 ст. 222 УК РФ, судам следует исходить из положений ч. 2 ст. 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, судам необходимо учитывать, например, совокупность таких обстоятельств, как количественные характеристики (хранение нескольких патронов) и качественные показатели предмета, мотив и цель, которыми руководствовалось лицо, поведение, предшествующее совершению деяния и (или) в период совершения деяния.

Признав У. виновным в незаконных приобретении и хранении боеприпаса — единичного экземпляра винтовочного патрона, суд не дал оценки тому обстоятельству, что У. не имел оружия, нашел патрон случайно и хранил его в коробке с инструментами в своей квартире.

Данные, свидетельствующие о том, что действия У. причинили существенный вред или создали угрозу причинения такого вреда личности, обществу или государству, судом в приговоре не приведены.

При таких обстоятельствах совершенное деяние не является преступлением, поскольку в силу малозначительности не представляло общественной опасности.

2. Суд апелляционной инстанции при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, осужденного за совершение преступления небольшой или средней тяжести, должен проверить, обсуждался ли судом первой инстанции вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений ст.ст. 75—78 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности либо, при отсутствии оснований для этого, о возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам
Второго кассационного суда общей юрисдикции
от 8 июля 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Мичуринского городского суда Тамбовской области от 18 декабря 2020 г., оставленному судом апелляционной инстанции в отношении Д. без изменения в части квалификации содеянного и назначенного ему наказания, Д. осужден по пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 15 000 руб.

Д. признан виновным в краже, совершенной группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов Д. просил судебные решения отменить, в том числе ввиду непричастности Д. к совершению кражи.

Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции 8 июля 2021 г. апелляционное постановление в отношении Д. отменила и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

По смыслу уголовного и уголовно-процессуального законодательства правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, способствовали предупреждению экстремистских противоправных действий и преступлений среди несовершеннолетних, обеспечивали их ресоциализацию, а также защиту законных интересов потерпевших¹.

Решая вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних и о назначении им наказания, суд должен руководствоваться уголовным законом об особенностях их уголовной ответственности.

¹Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 “О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних”.

В связи с этим в каждом случае подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений ст.ст. 75—78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести) и соответствующих положений ст.ст. 24—28¹ УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности, а уголовное наказание не должно назначаться несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ².

В нарушение требований ст. 389⁹ УПК РФ суд апелляционной инстанции, проверяя законность и обоснованность приговора, оставил без надлежащей проверки соответствие решения суда первой инстанции указанным выше требованиям закона.

Суд апелляционной инстанции должным образом не проверил изложенные в апелляционной жалобе доводы адвоката о том, что исправление Д. может быть достигнуто путем применения мер воспитательного воздействия.

Суд оставил без внимания, что Д. осужден за совершение в четырнадцатилетнем возрасте кражи лома металла на сумму 2900 руб., потерпевший претензий к нему не имел. Отрицательная характеристика по предыдущему месту жительства Д. из инспекции по делам несовершеннолетних, на которую суд сослался в приговоре, была выдана за полтора года до решения суда, при этом по новому месту жительства несовершеннолетний характеризуется положительно.

В ходе предварительного расследования и в суде мнение представителя потерпевшего о возможности примирения с несовершеннолетним не выяснялось, и в материалах дела отсутствуют сведения о разъяснении представителю потерпевшего положений ст. 25 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции оценки данным обстоятельствам не дал³.

3. Отягчающее наказание обстоятельство (рецидив преступлений), предусмотренное ст. 314¹ УК РФ в качестве признака состава преступления, не может повторно учитываться при назначении наказания

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам
Третьего кассационного суда общей юрисдикции
от 19 октября 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 16 ноября 2017 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, Ч., ранее судимый, осужден в том числе по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ.

²Там же, п. 31.

³Апелляционным постановлением Тамбовского областного суда от 28 сентября 2021 г. приговор отменен и уголовное дело прекращено, в соответствии со ст. 90 УК РФ к Д. применены принудительные меры воспитательного воздействия в виде предупреждения и передачи под надзор родителей сроком на один год.

В кассационной жалобе Ч. просил исключить из описательно-мотивировочной части приговора указание о признании рецидива преступлений обстоятельством, отягчающим наказание, назначенное по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ, поскольку предыдущие судимости явились основанием для установления в отношении его административного надзора.

Судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции 19 октября 2021 г. кассационную жалобу осужденного удовлетворила частично ввиду следующего.

В силу ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Как разъяснено в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, исходя из положений ч. 2 ст. 63 УК РФ обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, должны учитываться при оценке судом характера общественной опасности содеянного. Однако эти же обстоятельства не могут быть повторно учтены при назначении наказания.

Суд первой инстанции, установив наличие в действиях Ч. рецидива преступлений, признал в качестве отягчающего обстоятельства рецидив преступлений при назначении наказания по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ.

Ловозерский районный суд Мурманской области, установивший 18 апреля 2017 г. в отношении Ч. административный надзор, принял во внимание, что Ч. признан в период отбывания наказания злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, назначенного по предыдущему приговору за совершение преступления средней тяжести, при рецидиве преступлений.

Предыдущие судимости осужденного Ч. послужили основанием для установления в отношении его административного надзора, их повторный учет путем признания в соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающим наказание обстоятельством (рецидив преступлений) при его осуждении по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ свидетельствует об их двойном учете и противоречит требованиям ч. 2 ст. 63 УК РФ.

Учитывая изложенное, судебная коллегия по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции изменила приговор и апелляционное постановление в отношении Ч., исключила указание на отягчающее наказание обстоятельство применительно к ч. 1 ст. 314¹ УК РФ — рецидив преступлений и смягчила назначенное наказание.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ЗАЛОГОДЕРЖАТЕЛЕЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЗАЛОГОДАТЕЛЕЙ

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с установлением требований залогодержателей при банкротстве залогодателей, по результатам изучения и обобщения судебной практики Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

1. Для целей включения требования залогодержателя в реестр требований кредиторов несостоятельного залогодателя требования относительно того, имеется предмет залога у последнего или нет, толкуются в пользу залогодержателя.

В процедуре конкурсного производства, введенной в отношении предприятия, банк обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов (далее — реестр) его требования как обеспеченного залогом транспортного средства. Заявление мотивировано тем, что это транспортное средство заложено предприятием в обеспечение исполнения обязательств третьего лица (заемщика), принятых по кредитному договору. До возбуждения дела о банкротстве предприятия в реестр уведомлений о залоге движимого имущества внесена запись о залоге транспортного средства согласно п. 4 ст. 339¹ ГК РФ.

Определением суда первой инстанции требование банка признано необоснованным в связи с непредставлением доказательств наличия у предприятия предмета залога на момент рассмотрения спора.

Суд апелляционной инстанции названное определение отменил, заявление банка удовлетворил.

Как указал суд апелляционной инстанции, при установлении в деле о банкротстве требования кредитора, обеспеченного залогом имущества, суд, в частности, проверяет, имеется ли у залогодателя предмет залога в натуре (сохраняется ли возможность обращения взыскания на него). На кредитора, считающего себя залоговым, возлагается первичная обязанность подтвердить соответствующее обстоятельство.

В рассматриваемом случае банк представил доказательства, обосновывающие его позицию о наличии у кредитной организации статуса залогового кредитора: договор залога, акт проверки заложенного имущества, составленный ранее в процедуре наблюдения, из которого следует, что на день проверки транспортное средство было припарковано на территории предприятия, справку о том, что оно до сих пор числится на балансе должника.

При наличии подобных доказательств согласно ч. 1 ст. 65 АПК РФ на лиц, оспаривающих статус банка, перешло бремя опровержения: именно они должны доказать прекращение права собственности должника на заложенное имущество, в том числе вследствие его уничтожения.

Конкурсный управляющий предприятием и поддерживающие его позицию кредиторы в отзывах на заявление банка ссылались лишь на то, что транспортное средство в настоящее время не находится на территории предприятия, сообщить суду место, где оно фактически размещено, не представляется возможным, поскольку контролировавшие предприятие лица уклоняются от передачи конкурсному управляющему документов и имущества.

Суд апелляционной инстанции отметил, что вещь может находиться по воле предприятия вне его территории.

По результатам первичной инвентаризации сведениями о новом месте размещения транспортного средства конкурсный управляющий действительно может не располагать. Однако данное обстоятельство не освобождает конкурсного управляющего от дальнейшего проведения мероприятий по розыску имущества должника. Соответствующая обязанность в силу абз. 5 п. 2 ст. 129 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) лежит на самом конкурсном управляющем, а не на залоговом кредиторе. Суд учел, что конкурсный управляющий предприятием не подтвердил факт принятия им всех необходимых и достаточных мер, направленных на поиск и возврат транспортного средства.

Возложив на банк обязанность опровергнуть возражения об отсутствии заложенного имущества, суд первой инстанции тем самым нарушил принцип равноправия сторон (ст. 8 АПК РФ) и переложил на кредитора негативные последствия бездействия его процессуальных оппонентов, не опорочивших документы банка и не доказавших наличие оснований для отказа в удовлетворении заявления кредитной организации.

Кроме того, суд апелляционной инстанции отметил, что если впоследствии имущество так и не отыщется, права должника и его незалоговых кредиторов не будут существенным образом нарушены фактом признания банка залогодержателем, поскольку в этом случае торги по продаже заложенного имущества не состоятся по причине его отсутствия и залоговый кредитор не получит исполнение за счет реализации предмета залога. Если же транспортное средство будет обнаружено, отказ в признании залогового статуса создаст серьезные препятствия для реализации кредитором прав залогодержателя. Поэтому для целей включения требования залогодержателя в реестр сомнения относительно того, имеется предмет залога у несостоятельного залогодателя или нет, толкуются в пользу залогодержателя.

2. В случае продажи заложенного имущества в процедуре конкурсного производства по цене, превышающей оценочную стоимость, объем реально погашаемых требований залогового кредитора определяется фактически полученной выручкой и не ограничен данной оценочной стоимостью.

В рамках дела о банкротстве требования компании, предъявленные ею к предпринимателю как к поручителю и залогодателю, не являющемуся должником по основному обязательству, признаны обоснованными и включены в реестр с удовлетворением в третью очередь, в том числе как обеспеченные залогом в сумме, равной оценочной стоимости имущества.

Впоследствии компания обратилась в суд с заявлением о внесении изменений в реестр, в котором просила увеличить сумму требований, обеспеченных залогом имущества, сославшись на то, что стоимость заложенного имущества, выявленная по результатам торгов по его продаже, превысила оценочную.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления компании отказано.

При установлении требований залогового кредитора в деле о банкротстве залогодателя, не являющегося должником по основному обязательству, их размер определяется как сумма денежного удовлетворения, на которое может претендовать залогодержатель за счет стоимости заложенного имущества. Эта стоимость определяется арбитражным судом на основе оценки заложенного имущества, предусмотренной в договоре о залоге, или начальной продажной цены, установленной соглашением сторон или решением суда об обращении взыскания на заложенное имущество, с учетом доводов заинтересованных лиц об изменении указанной стоимости в большую или меньшую сторону.

Таким образом, оценочная стоимость заложенного имущества, принимаемая во внимание на стадии рассмотрения вопроса об обоснованности требования залого-

вого кредитора, по своей сути носит учетный характер и применяется в дальнейшем для целей отражения требования залогового кредитора в реестре, определения объема его прав при голосовании на собраниях кредиторов и при принятии решений в рамках процедур банкротства (чч. 1 и 3 ст. 12, ч. 6 ст. 16, ст.ст. 71, 100 Закона о банкротстве).

Однако обязательство признается обеспеченным залогом в целом независимо от упомянутой учетной оценки заложенного объекта (за исключением случаев, когда по соглашению сторон обязательство обеспечивалось залогом не в полном объеме, а только в части). Окончательная стоимость заложенного имущества для целей проведения расчетов формируется в момент его реализации. В случае продажи заложенного имущества по цене, превышающей оценочную стоимость, объем реально погашаемых требований залогового кредитора зависит от фактически полученной выручки и не ограничен оценочной стоимостью.

Данный подход основан на общих положениях гражданского законодательства о залоге (ст.ст. 334 и 337 ГК РФ), согласно которым кредитор по обеспеченному залогом обязательству имеет право получить преимущественное удовлетворение из всей стоимости заложенного имущества. Эти правила подлежат применению и к спорным правоотношениям с учетом особенностей, предусмотренных ст. 138 Закона о банкротстве, и закрепленных в названной статье пропорций распределения выручки.

При этом залоговый кредитор не должен принимать меры для изменения учетной оценочной стоимости предмета залога, включенной в реестр, в зависимости от фактической цены продажи имущества, переданного в залог. Соответствующие действия арбитражный управляющий должен осуществлять самостоятельно, без обращения в суд, рассматривающий дело о банкротстве. Поскольку арбитражный управляющий от их совершения не уклонялся, суд отказал в удовлетворении заявления компании.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа признали выводы суда первой инстанции обоснованными.

Приведенная правовая позиция действует и в том случае, когда залогодатель является должником по основному обязательству, поскольку она вытекает из универсальных правил о залоге (ст.ст. 334 и 337 ГК РФ). Данный подход также применим в деле о банкротстве при исчислении суммы долга, подлежащего погашению за счет стоимости заложенного имущества при оставлении его залогодержателем за собой.

3. Требование кредитора, обеспеченное залогом движимого имущества должника, не раскрытое публично путем включения соответствующих сведений в реестр уведомлений о залоге, по общему правилу не может быть установлено в деле о банкротстве как залоговое.

В деле о банкротстве фабрики суд первой инстанции признал обоснованным и включил в реестр требование хозяйственного общества по договору займа, заключенному с фабрикой, как обеспеченное залогом ее движимого имущества. Судебный акт мотивирован тем, что задолженность по договору займа фабрикой не погашена, требование общества подтверждено действующим договором залога оборудования.

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции в части признания общества залоговым кредитором в деле о банкротстве, в этой части в удовлетворении заявления заявления отказал.

В силу абз. 3 п. 4 ст. 339¹ ГК РФ залогодержатель движимого имущества в отношениях с третьими лицами вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога только с момента совершения записи об учете залога в реестре уведомлений о залоге такого имущества, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого.

Поскольку в рассматриваемом случае информация о залоге не была размещена в реестре уведомлений о залоге, суд апелляционной инстанции не признал требова-

ние общества имеющим залоговый приоритет по отношению ко всем иным требованиям других кредиторов. При этом суд дополнительно отметил, что общество вправе противопоставить свои залоговые права тем кредиторам, которые, несмотря на отсутствие соответствующей записи, знали о наличии залога. Общество может потребовать передачи себе части выручки от реализации заложенного имущества, причитающейся таким кредиторам, направив соответствующие разногласия в суд по правилам ст. 60 Закона о банкротстве.

В другом деле лизинговая компания (конкурсный кредитор) в процедуре конкурсного производства оспорила действия иностранной компании, направленные на регистрацию уведомления о возникновении залога движимого имущества (производственной установки) как сделку с предпочтением.

Суд заявление лизинговой компании удовлетворил.

Как установил суд, уведомление о залоге подано иностранной компанией на регистрацию в связи с передачей предприятия товара, проданного в кредит, и неполучением полной оплаты за этот товар.

Согласно п. 5 ст. 488 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором купли-продажи, с момента передачи товара покупателю и до его оплаты товар, проданный в кредит, признается находящимся в залоге у продавца для обеспечения исполнения покупателем его обязанности по оплате товара.

Вместе с тем по общему правилу, закрепленному в абз. 3 п. 4 ст. 339¹ ГК РФ, требование кредитора, обеспеченное залогом имущества должника, не раскрытое публично путем включения соответствующих сведений в реестр уведомлений о залоге движимого имущества, не может быть установлено в деле о банкротстве как залоговое. В процедуре банкротства залогодателя кредитор вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога только с момента совершения записи об учете залога либо тогда, когда доказано, что, несмотря на отсутствие таковой, кредиторы (часть кредиторов) знали о наличии залога (например, о неоплате должником товара, проданного в кредит).

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 61³ Закона о банкротстве сделка с предпочтением, совершенная должником за месяц до возбуждения дела о его банкротстве, может быть признана недействительной, если такая сделка, в частности, привела к изменению очередности удовлетворения требования отдельного кредитора по обязательству, возникшему до совершения оспариваемой сделки.

Так как в данном случае уведомление о залоге движимого имущества подано по истечении разумного срока после передачи товара должнику в собственность, регистрация уведомления (публичное раскрытие залога) состоялась в месячный период, предшествующий возбуждению дела о банкротстве, и была направлена на изменение очередности удовлетворения требования иностранной компании (на придание данному требованию приоритета по отношению к требованиям иных кредиторов), суд удовлетворил заявление и признал недействительными действия, направленные на регистрацию уведомления.

В ином деле суд признал за залогодержателем статус залогового кредитора в деле о банкротстве в отсутствие записи об учете залога в реестре уведомлений о залоге движимого имущества исходя из того, что стороны договора залога отступили от диспозитивного правила, закрепленного в п. 1 ст. 338 ГК РФ, пришли к соглашению о передаче предмета залога залогодержателю, и такая передача фактически состоялась до возбуждения дела о банкротстве. Как указал суд, сам факт владения залогодержателем предметом залога создает презумпцию осведомленности гражданско-правового сообщества кредиторов залогодателя о существовании залога, которая не была опровергнута заинтересованными лицами.

4. Наличие судебного акта о принятии в отношении имущества должника обеспечительных мер в виде ареста не является достаточным основанием для признания требования кредитора обеспеченным залогом арестованного имущества в деле о банкротстве должника.

В рамках дела о банкротстве общества требование предприятия (кредитора) включено судами первой и апелляционной инстанций в реестр как обеспеченное залогом принадлежащих должнику здания и земельного участка. Суды исходили из того, что права залогодержателя возникли у кредитора на основании п. 5 ст. 334 ГК РФ, так как ранее в рамках гражданского дела, рассмотренного арбитражным судом, на упомянутое недвижимое имущество по требованию данного кредитора в целях обеспечения иска судом был наложен арест.

Арбитражный суд округа отменил судебные акты в части, касающейся признания требования предприятия обеспеченным залогом.

В силу п. 5 ст. 334 ГК РФ, если иное не вытекает из существа отношений залога, кредитор или иное управомоченное лицо, в чьих интересах был наложен запрет на распоряжение имуществом (ст. 174¹ ГК РФ), обладают правами и обязанностями залогодержателя в отношении этого имущества с момента вступления в силу решения суда, которым требования таких кредитора или иного управомоченного лица были удовлетворены.

Из положений ст. 174¹ и п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что наделение кредитора, в интересах которого были приняты обеспечительные меры в виде ареста, правами залогодержателя обусловлено необходимостью предоставления ему возможности обратиться с иском на арестованную вещь в ситуации, когда она вопреки запрету отчуждается третьему лицу, которое знало или должно было знать об аресте (закрепление в отношении арестованного имущества принципа следования обременения за вещью). Соответствующие права возникли у залогодержателя из процессуальных правоотношений — вследствие принятия обеспечительных мер в виде ареста имущества судом, который не является участником материальных отношений и действует в рамках его дискреционных полномочий на основе принципов состязательности и процессуального равноправия сторон (с учетом возможности обжалования определения о принятии обеспечительных мер). Эти права могут быть реализованы лишь после вступления в силу судебного решения, которым удовлетворены требования, обеспечиваемые арестом. Следовательно, названные меры, по сути, выступают не способом обеспечения исполнения обязательства как такового, а являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию судебного решения о взыскании задолженности, и действуют в рамках общих правил исполнения.

Порядок же исполнения актов о взыскании долга с несостоятельной организации регулируется нормами законодательства о банкротстве, которые являются специальными по отношению к общим правилам исполнения. Закон о банкротстве исключает возможность удовлетворения реестровых требований, подтвержденных судебными решениями, в индивидуальном порядке и не содержит предписаний о привилегированном положении лица, в пользу которого наложен арест. Напротив, правоотношения, связанные с банкротством, основаны на принципе равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве), что, в свою очередь, не допускает введения судом, рассматривающим дело о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от процедурных критериев, не связанных с материально-правовой природой данной выплаты (в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста). Поэтому запрет на распоряжение имуществом не порождает таких залоговых свойств, которые позволяют кредитору получить приоритет при удовлетворении его требований в процедурах банкротства.

По смыслу ст.ст. 2, 18¹ и 138 Закона о банкротстве при недостаточности имущества должника для распределения между всеми кредиторами преимущество у одного кредитора по отношению к другим кредиторам возникнет только при ординарном залоге на основании договора либо закона (п. 1 ст. 334¹ ГК РФ).

5. Требование кредитора, удерживающего движимую вещь должника, включается в реестр как обеспеченное залогом и удовлетворяется в порядке, предусмотренном ст. 138 Закона о банкротстве.

В процедуре конкурсного производства, введенной в отношении автоколонны, хозяйственное общество (подрядчик) обратилось в суд с заявлением о включении в реестр задолженности по договору подряда на выполнение работ по ремонту автобуса, принадлежащего автоколонне (заказчику). Общество просило признать его требование обеспеченным залогом указанного автобуса, ссылаясь на то, что транспортное средство удержано в связи с неоплатой работ заказчиком.

Определением суда первой инстанции требование включено в реестр с удовлетворением в третью очередь. Суд счел, что в деле о банкротстве автоколонны кредитор, удерживающий вещь, не обладает правами залогодержателя.

Отменяя определение суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

В силу ст. 360 ГК РФ требование кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяется из ее стоимости в объеме и порядке, которые предусмотрены для удовлетворения требований, обеспеченных залогом.

В отличие от залога из ареста (п. 5 ст. 334 ГК РФ), который возникает из процессуальных правоотношений, залог в связи с удержанием имеет свойства ординарного залога (п. 1 ст. 334¹ ГК РФ). При этом в процедуре наблюдения обращение взыскания на заложенное имущество не допускается (п. 1 ст. 18¹ Закона о банкротстве). Поэтому в данной процедуре не имелось оснований для возврата удерживаемого имущества автоколонне. После открытия конкурсного производства в отношении заказчика по смыслу ст.ст. 126, 131 Закона о банкротстве подрядчик, во владении которого находится чужое имущество, не вправе дальше удерживать его — оно подлежит передаче в конкурсную массу для реализации в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что с открытием конкурсного производства удержание кредитором принадлежащей автоколонне вещи трансформировалось в залоговый приоритет, в связи с чем обязан хозяйственное общество передать, а конкурсного управляющего автоколонной — принять удерживаемую вещь и признать требование кредитора обеспеченным залогом.

6. В случае отказа покупателя от исполнения договора купли-продажи некачественной вещи и банкротства продавца этой вещи покупатель вправе включить в реестр свое денежное требование о возврате уплаченной им цены договора как обеспеченное залогом проданной вещи, возвращенной в конкурсную массу.

В процедуре конкурсного производства, введенной в отношении торгового дома (продавца), завод (покупатель) обратился в суд с заявлением о включении в реестр его требований о возврате цены договора купли-продажи станка и о возмещении убытков. Заявление мотивировано тем, что завод отказался от исполнения договора ввиду существенного нарушения требований к качеству товара и готов вернуть полученный станок в конкурсную массу продавца для дальнейшей реализации.

Суд заявление удовлетворил.

В силу п. 2 ст. 450¹, п. 2 ст. 453 ГК РФ в случае одностороннего отказа от договора обязательства сторон прекращаются, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства. Отсутствие соответствующих указаний об ином применительно

но к договору купли-продажи означает, что признание такого договора прекращенным и удовлетворение требований о возврате уплаченной за товар денежной суммы (ст.ст. 450, 475 ГК РФ) не должно влечь неосновательного приобретения или сбережения имущества на стороне покупателя или продавца (глава 60 ГК РФ), т.е. нарушать эквивалентность осуществленных ими при исполнении прекращенного договора встречных имущественных предоставлений.

Следовательно, разрешая в деле о банкротстве продавца вопрос о правомерности одностороннего отказа покупателя от исполнения договора купли-продажи, по которому продавец уже передал в собственность покупателя определенное имущество, и установив предусмотренные п. 2 ст. 475 ГК РФ основания для возврата уплаченной покупателем денежной суммы, суд должен одновременно рассмотреть вопрос о возврате несостоятельному продавцу переданного покупателем имущества, поскольку сохранение этого имущества за покупателем после присуждения ему покупной цены означало бы нарушение согласованной сторонами эквивалентности встречных предоставлений.

При этом предусмотренное п. 2 ст. 475 ГК РФ право покупателя на возврат покупной цены не ограничивает иные права, принадлежащие ему в связи с нарушением обязательства продавцом, в частности право на возмещение иных убытков.

Учитывая ликвидационный характер процедуры конкурсного производства, неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость требований о возврате поставленного некачественного имущества в натуре, взыскании покупной цены и о возмещении иных убытков, понесенных покупателем в связи с расторжением договора, суд разрешил вопросы о судьбе имущества и об убытках одновременно, поставив их на обсуждение сторон. Завод выразил волю на возврат товара в конкурсную массу для его реализации на торгах.

Денежные требования завода о возврате цены договора купли-продажи и о возмещении иных убытков судом включены в реестр. Суд обязал завод передать, а конкурсного управляющего торговым домом — принять некачественную вещь. Кроме того, суд указал, что после обратной передачи станка в конкурсную массу продавца требования покупателя приобретут залоговый приоритет в отношении возвращенной вещи применительно к положениям п. 5 ст. 488 ГК РФ. Эти требования подлежат удовлетворению в порядке, предусмотренном ст. 138 Закона о банкротстве.

7. При банкротстве продавца некачественной вещи, не исполнившего обязательство по возврату цены договора покупателю, последний не может быть признан залоговым кредитором, если он отказался вернуть купленную вещь в конкурсную массу.

В рамках дела о банкротстве предприятия — продавца некачественной автомашины хозяйственное общество (покупатель) отказалось возвращать ее в конкурсную массу, предъявив к включению в реестр всю уплаченную за товар цену договора и иные убытки. Покупатель также просил признать его залоговым кредитором. В свою очередь, конкурсный управляющий продавцом предъявил встречное требование об обязании покупателя вернуть автомашину, мотивированное открытием в отношении продавца конкурсного производства и предъявлением покупателем к включению в реестр денежного требования о возврате в том числе покупной цены.

Разрешая спор, суд указал на то, что сам по себе отказ от договора купли-продажи ввиду существенного нарушения требований к качеству товара не отменяет ранее произошедший по этому договору переход права собственности на товар. В этом случае право собственности продавца на имущество не восстанавливается автоматически, он приобретает данное право производным способом от покупателя (другой стороны прекращенного

договора) по общему правилу в момент обратной передачи движимой вещи (абз. 1 п. 2 ст. 218, п. 1 ст. 223 ГК РФ).

До возврата товара продавцу по прекращенному договору купли-продажи этот товар не может рассматриваться как часть конкурсной массы продавца, поскольку его собственником является покупатель (п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве). Так как продавец не исполнил свои обязательства по возврату покупателю цены договора и возмещению иных убытков, он по смыслу п. 3 ст. 328 ГК РФ не может понудить покупателя к возврату некачественной вещи. В рассматриваемом случае покупатель отказался возвращать товар до возмещения ему убытков в денежной форме. С учетом изложенного в удовлетворении заявления конкурсного управляющего суд отказал.

Ввиду того, что покупатель решил оставить вещь за собой, он не является залогодержателем по отношению к конкурсной массе, в которой эта вещь отсутствует. Размер требований покупателя в реестре определен судом как разность между суммой убытков, включающих в себя уплаченную цену договора, и рыночной стоимостью некачественной автомашины.

8. При переработке, реконструкции предмета залога и т.п. залогодержатель вправе предъявить несостоятельному залогодателю требование о признании обязательства обеспеченным залогом вновь образованного объекта.

Суд первой инстанции отказал банку в признании его денежного требования по кредитному договору обеспеченным залогом имущества предприятия (двух нежилых помещений). Суд исходил из того, что ранее переданное в ипотеку нежилое помещение после его раздела должником физически перестало существовать, из него образованы два самостоятельных нежилых помещения. Банк был вправе зарегистрировать в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН) залоговое обременение в отношении двух вновь образованных помещений, однако данным правом не воспользовался. В отсутствие таких записей он не может быть признан залоговым кредитором.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено, заявление банка удовлетворено.

В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 345 ГК РФ независимо от согласия залогодателя или залогодержателя считается находящимся в залоге новое имущество, которое принадлежит залогодателю и создано либо возникло в результате переработки или иного изменения заложенного имущества.

Тот факт, что должник не поставил вновь образованные объекты на кадастровый учет и не внес запись о праве собственности на них в ЕГРН, не может свидетельствовать о прекращении залога.

Разрешение вопросов, связанных с регистрацией права собственности на возникшие вследствие переустройства новые объекты, находилось в сфере контроля предприятия. Регистрация же ипотеки в отношении этих объектов проводится регистрирующим органом одновременно с регистрацией права собственности на них на основании заявления залогодателя (ч. 12 ст. 41 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”). Суд первой инстанции ошибочно вменил в вину залогодержателю обстоятельства, возникшие из-за бездействия залогодателя, осуществившего реконструкцию.

Во избежание негативных последствий пропуска двухмесячного срока, отведенного на предъявление кредиторами требований к должнику (абз. 3 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве), банк подал в суд, рассматривающий дело о банкротстве, заявление об установлении его требования.

Суд апелляционной инстанции в целях обеспечения возможности реализации банком залоговых прав при-

знал данное требование обеспеченным залогом незарегистрированных объектов недвижимости, в отношении которых судом были установлены основания возникновения как права собственности, так и ипотеки (в частности, что ипотека на изначально существовавшее помещение была зарегистрирована, его реконструкция не являлась самовольной).

При этом суд апелляционной инстанции указал, что в соответствии с положениями абз. 16 ст. 2 Закона о банкротстве целью конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов. Эта ликвидационная процедура направлена прежде всего на последовательное проведение мероприятий по формированию конкурсной массы и последующую реализацию активов должника для проведения расчетов с кредиторами. Для достижения названной цели, в частности, должны быть совершены действия, направленные на регистрацию в установленном порядке прав должника на принадлежащее ему имущество, без которой невозможно проведение торгов по продаже этого имущества. Указанные действия обязан выполнить конкурсный управляющий, который осуществляет полномочия руководителя, а также иных органов управления должника (п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве) и несет самостоятельную обязанность действовать в интересах должника и его кредиторов добросовестно и разумно (п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве).

С учетом этого суд применительно к положениям первого предложения ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон об участии в долевом строительстве) обязал конкурсного управляющего совершить действия, направленные на регистрацию прав на вновь образованные нежилые помещения (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

9. При ипотеке земельного участка для целей обеспечения требования залогодателя в реестр оно считается обеспеченным залогом как самого участка, так и объекта незавершенного строительства, правомерно возведенного на данном участке после заключения договора об ипотеке.

В деле о банкротстве суд признал требования кредитора обеспеченными залогом земельного участка и расположенного на нем объекта незавершенного строительства, не зарегистрированного в установленном порядке в качестве объекта недвижимости.

Суд сослался на п. 1 ст. 65 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)”, согласно которому на земельном участке, заложенном по договору об ипотеке, залогодатель вправе без согласия залогодержателя возводить в установленном порядке здания или сооружения; по общему правилу ипотека распространяется на эти здания и сооружения.

Приведенное правило о том, что ипотекой охватывается объект, вновь возведенный на заложенном земельном участке, основано на принципе единства судьбы участка и прочно связанного с ним объекта, установленного подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ.

В рассматриваемом случае после заключения договора об ипотеке залогодатель в установленном порядке начал строительство гостиницы на переданном в залог участке, которое не было завершено до возбуждения дела о банкротстве залогодателя. На момент обращения кредитора в суд с заявлением о признании его требований обеспеченными залогом участка и недостроенной гостиницы право собственности должника на последнюю не было зарегистрировано, т.е. формально она не была введена в гражданский оборот как объект недвижимого имущества.

Вместе с тем на кредитора не могут быть возложены негативные последствия несовершения несостоятельным должником действий по регистрации прав на при-

надлежащий ему объект незавершенного строительства при возникновении оснований для обращения взыскания на предмет залога. Суд признал требования кредитора обеспеченными залогом, в том числе недостроенной гостиницы, в отношении которой были представлены достаточные доказательства соответствия ее признакам объекта недвижимого имущества (за исключением регистрации права собственности), обязав конкурсного управляющего совершить действия, направленные на регистрацию прав на возведенный на заложенном участке объект (п. 1 ст. 6 ГК РФ, первое предложение ч. 5 ст. 13 Закона об участии в долевом строительстве).

10. При гибели предмета залога залоговый приоритет распространяется не только на сумму страхового возмещения, но и на начисленные на эту сумму проценты.

В рамках дела о банкротстве акционерного общества требование предпринимателя признано обоснованным и включено в реестр как обеспеченное залогом принадлежащего обществу оборудования.

Впоследствии ввиду гибели предмета залога решением арбитражного суда по другому делу со страховой компании, застраховавшей оборудование по договору имущественного страхования по риску утраты (гибели), в пользу акционерного общества взыскано страховое возмещение в сумме, равной страховой стоимости оборудования, а также проценты за пользование денежными средствами, начисленные на сумму страхового возмещения.

После этого конкурсный управляющий передал на разрешение суда, рассматривающего дело о банкротстве залогодателя, разногласия, возникшие между ним, предпринимателем и другим кредитором, относительно того, является ли требование предпринимателя обеспеченным залогом требований к страховой компании о выплате страхового возмещения и начисленных на него процентов.

Суды разрешили эти разногласия, признав требование предпринимателя обеспеченным залогом всех требований акционерного общества к страховой компании.

В законодательстве о залоге закреплено общее правило, согласно которому залог прекращается в случае гибели заложенной вещи (подп. 3 п. 1 ст. 352 ГК РФ). Однако данное правило содержит ряд исключений. Так, в частности, при гибели предмета залога залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования за счет страхового возмещения, если только гибель произошла не по причинам, за которые отвечает залогодержатель (абз. 2 п. 2 ст. 334 ГК РФ).

Таким образом, требование о выплате страхового возмещения поступило в залог предпринимателю. Проценты за пользование чужими денежными средствами являются приростом к сумме страхового возмещения. Поскольку дополнительное (приращенное) требование следует судьбе основного, требование к страховой компании о выплате процентов также признано находящимся в залоге у предпринимателя.

11. Организация, совместно с другими лицами предоставившая обеспечение и частично исполнившая обязательство перед кредитором, вправе получить компенсацию от несостоятельного залогодателя (другого солидарного должника) в деле о банкротстве последнего лишь в сумме, определяемой по правилам ст. 325 ГК РФ. Соответствующее требование организации подлежит удовлетворению после полного удовлетворения требования кредитора по основному обязательству.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) завода компания обратилась в суд с заявлением о включении ее требования в реестр как обеспеченного залогом имущества завода.

Как установили суды, банк предоставил производственному объединению кредит. Ряд организаций выдал обеспечение по этому кредиту, в том числе компания заключила с банком договор поручительства, а завод пере-

дал в залог принадлежащее ему имущество. В связи с неисполнением заемщиком принятых на себя обязательств банк в соответствии с условиями договора в безакцептном порядке списал со счета компании денежные средства в счет частичного погашения задолженности по кредитному договору.

Факт свободного перемещения денежных средств, товаров между производственным объединением, компаниями, заводом и иными лицами, заключившими обеспечительные сделки, по цепочкам формальных операций, не связанных с осуществлением реальной экономической деятельности, не был установлен судами. Названные организации действовали в гражданском обороте, не нарушая сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность данного субъекта (п. 1 ст. 48 ГК РФ).

Признавая требование компании обоснованным, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что она как поручитель, частично исполнивший обязательство перед банком, приобрела требование последнего к заводу-залогодателю в порядке суброгации (п. 1 ст. 365, п. 1 ст. 384, подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ).

Постановлением арбитражного суда округа судебные акты отменены, спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В ситуации, когда одно лицо получает кредитные средства, а другие аффилированные с ним лица, объединенные с заемщиком общими экономическими интересами, предоставляют обеспечение, зная об обеспечительных обязательствах внутри объединяющей их группы, предполагается, что соответствующее обеспечение направлено на пропорциональное распределение риска дефолта заемщика между всеми членами такой группы вне зависимости от того, как оформлено обеспечение (одним документом либо разными), что позволяет квалифицировать подобное обеспечение как совместное. Иное может быть оговорено в соглашении между лицами, предоставившими обеспечение, или вытекать из существа отношений между ними. Аналогичные разъяснения даны в абз. 1 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве».

Предоставившие обеспечение аффилированные лица являются солидарными должниками по отношению к кредитору. При исполнении одним из таких солидарных должников обязательства перед кредитором его отношения с другими выдавшими совместное обеспечение членами группы регулируются не правилами о суброгации, а положениями п. 2 ст. 325 ГК РФ: он вправе предъявить регрессные требования к каждому из лиц, выдавших обеспечение, в сумме, соответствующей их доле в обеспечении обязательства, за вычетом доли, падающей на него самого. Таким образом, право регрессного требования к остальным должникам в обеспечительном обязательстве имеет не любой исполнивший обязательство, а лишь тот, кто исполнил обязательство в размере, превышающем его долю, и только в приходящейся на каждого из остальных должников части.

Более того, из существа обеспечительных обязательств, направленных на максимальное удовлетворение требований кредитора за счет имущества всех поручителей и залогодателей, и принципа добросовестного осуществления гражданских прав следует, что должник в обеспечительном обязательстве, частично исполнивший обязательство перед кредитором, не имеет права на удовлетворение своего требования к другому солидарному должнику до полного удовлетворения последним требований кредитора по основному обязательству (абз. 2 п. 1 ст. 335, п. 4 ст. 364 ГК РФ).

Поскольку суды, установив аффилированность заемщика и выдавших обеспечение лиц, ошибочно не исследовали обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения обособленного спо-

ра, а именно не определили долю каждого члена группы в обеспечении кредитных обязательств и не установили порядок погашения требования компании по отношению к требованию банка (исходя из неполного исполнения обязательств перед банком по кредитному договору), спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

12. Если возврат бюджетных средств, выплаченных бенефициару по государственной (муниципальной) гарантии, осуществляется с использованием гражданско-правового механизма уступки бенефициаром своего требования публично-правовому образованию на основании договора, гарант вправе реализовать перешедшие к нему права залогодателя в деле о банкротстве залогодателя, предоставившего обеспечение по тому же основному обязательству, что и гарант.

В связи с исполнением государственной гарантии ФНС России в рамках дела о банкротстве фабрики обратилась в суд с заявлением о включении в реестр задолженности перед Российской Федерацией в сумме исполненного. Это требование ФНС России просила признать обеспеченным залогом имущества фабрики.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил, признал требование Российской Федерации обоснованным и обеспеченным залогом.

Как установили суды, банк предоставил денежные средства шахте по кредитному договору. В обеспечение исполнения кредитных обязательств фабрика на основании договора об ипотеке передала в залог банку недвижимое имущество. Кроме того, исполнение части этих обязательств обеспечивалось государственной гарантией Российской Федерации.

Ввиду непогашения ссудной задолженности Российская Федерация произвела выплату по гарантии в пользу банка, после чего ФНС России предъявила выплаченную сумму к включению в реестр несостоятельного залогодателя.

Отказывая в удовлетворении заявления уполномоченного органа, суд первой инстанции счел, что к отношениям, возникающим в связи с перечислением бенефициару денежных средств по государственной гарантии, не применимы положения главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве. В этом случае публично-правовое образование приобретает регрессное требование к принципалу на основании п. 1 ст. 379 ГК РФ.

Признавая выводы суда первой инстанции ошибочными, суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

Вопросы, касающиеся последствий исполнения публично-правовым образованием государственной гарантии, урегулированы Бюджетным кодексом РФ. В соответствии с пп. 6, 24 и 25 ст. 115 БК РФ эти последствия определяются условиями предоставления гарантии, содержанием самой гарантии и могут заключаться:

в возникновении у гаранта регрессного требования к принципалу о возмещении сумм, уплаченных гарантом бенефициару;

в обусловленном исполнении обязательства гарантом (в совершении им выплаты по государственной гарантии лишь при условии уступки бенефициаром гаранту требования к принципалу на основании договора);

в безвозвратной выплате по государственной гарантии, которая покрывается доходами бюджета и в дальнейшем не компенсируется за счет каких-либо иных источников (гарантии, не предусматривающие регрессного требования гаранта к принципалу и не обусловленные уступкой гаранту требования бенефициара).

Применительно к государственным гарантиям с обусловленным исполнением обязательства гарантом возврат средств федерального бюджета, выплаченных бене-

фициару по таким гарантиям, осуществляется согласно Бюджетному кодексу РФ с использованием гражданско-правового механизма уступки Российской Федерации требования бенефициара на основании договора.

В рассматриваемом споре исполнение Минфином России обязательства по выплате денежных средств бенефициару было обусловлено заключением этим бенефициаром договора уступки Российской Федерации его требования к принципалу в размере исполненного. Такое условие включено как в договор о предоставлении государственной гарантии, так и в текст самой государственной гарантии. Исходя из данного условия для получения платежа по гарантии банк заключил с Российской Федерацией договор, по которому в соответствии с правилами об обычной цессии (п. 1 ст. 382 ГК РФ) уступил требование к шахте (заемщику) в части. Это повлекло за собой уступку соответствующих прав по ипотечной сделке (п. 1 ст. 384 ГК РФ).

Таким образом, и банк, обязательства перед которым не были исполнены в полном объеме, и Российская Федерация, получившая на основании договора цессии часть требования банка (в сумме произведенной выплаты по гарантии), являются равными залоговыми кредиторами. Выручка от реализации заложенной недвижимости подлежала распределению между ними пропорционально размеру их требований и с учетом положений ст. 138 Закона о банкротстве.

13. Освобождение в рамках дела о банкротстве гражданина — должника по основному обязательству от дальнейшего исполнения его обязательств не прекращает залог третьего лица, если до этого освобождения кредитор предъявил требование залогодателю в суд или в ином установленном законом порядке.

Банком и гражданином (заемщиком) заключен кредитный договор. В обеспечение исполнения обязательств заемщика компания (залогодатель) передала в залог автомашину.

Впоследствии гражданин и компания признаны банкротами.

Сославшись на наличие задолженности по кредитному договору, банк в рамках дела о банкротстве компании обратился в суд с заявлением, в котором просил включить в реестр его требование как обеспеченное залогом автомашины.

Суды в удовлетворении заявления отказали ввиду следующего.

Институт банкротства граждан предусматривает особый механизм прекращения обязательств лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, — списание долгов (п. 3 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве).

При этом согласно подп. 1 п. 1 ст. 352 ГК РФ залоговое обеспечение прекращается с прекращением обеспеченного им обязательства. Исключение из данного правила применительно к залогом третьего лица, не являющегося должником по основному обязательству, содержится, в частности, во втором предложении п. 1 ст. 367 ГК РФ (с учетом абз. 2 п. 1 ст. 335 ГК РФ), по смыслу которого освобождение в рамках дела о банкротстве гражданина — должника по основному обязательству от дальнейшего исполнения его обязательств не прекращает залог третьего лица, если до этого освобождения кредитор предъявил требование залогодателю в суд или в ином установленном законом порядке.

В рассматриваемом случае требование к компании-залогодателю предъявлено после завершения процедуры реализации имущества гражданина — должника по основному обязательству и освобождения его от долгов, т.е. после прекращения залогового обеспечения, в связи с чем это требование не подлежит включению в реестр.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
21 декабря 2022 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЗА 2022 ГОД

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров о несостоятельности (банкротстве) по результатам изучения и обобщения судебной практики за 2022 год Верховным Судом РФ на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации” определены следующие правовые позиции.

Процессуальные вопросы

1. Заявление о банкротстве должника — физического лица по требованию, основанному на кредитном договоре с кредитной организацией, к которому не приложено вступившее в законную силу решение о взыскании долга в общеисковом порядке, подлежит рассмотрению судом по существу.

Между банком, заемщиком и третьим лицом заключен кредитный договор. Кредит предоставлялся для целевого использования — приобретения земельного участка и последующего финансирования строительства индивидуального жилого дома, расположенного по адресу приобретаемого земельного участка.

В качестве обеспечения исполнения кредитных обязательств заемщика заключены договор залога транспортного средства и договор об ипотеке (залоге недвижимости).

Впоследствии банк (цедент) передал другому банку (цессионарию) принадлежащие цеденту права требования по названному кредитному договору, включая права, обеспечивающие исполнение обязательства, и другие связанные с уступаемыми правами требования, в том числе суммы основного долга, просроченного долга, процентов и пеней, по ипотеке.

Ссылаясь на неисполнение этого требования, цессионарий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании заемщика банкротом, введении в отношении его процедуры реструктуризации долгов и включении в реестр должника требования как обеспеченного залогом земельного участка.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, производство по делу прекращено.

Суды исходили из того, что требования не подтверждены вступившим в законную силу судебным актом, не носят бесспорного характера, а также учли наличие между заявителем и должником спора о праве, рассматриваемого в суде общей юрисдикции по иску должника и третьего лица о признании кредитного договора не заключенным в части неполученных денежных средств.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

По смыслу пп. 1 и 2 ст. 213⁵, а также п. 2 ст. 7 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) заявление о банкротстве должника, требование к которому основано на кредитном договоре с кредитной организацией, может быть подано в отсутствие вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга в общеисковом порядке.

Как следует из абз. 1 ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности”, критерием, допускающим возбуждение дела о банкротстве таким упрощенным способом, выступает реализуемая кредитной организацией деятельность по осуществлению банковских операций на основании специального разрешения (лицензии) Банка России.

Таким образом, для целей применения абз. 2 п. 2 ст. 7 и абз. 7 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве суду достаточно установить, что заявленное требование является следствием реализации специальной правоспособности кредитной организации.

В рассматриваемом случае цессионарий ссылался на наличие возникшего из кредитного договора и обеспеченного залогом требования к должнику, приобретенного по договору уступки прав (требований) у кредитной организации.

С учетом закрепленного в п. 1 ст. 384 ГК РФ правила о переходе к цессионарию прав цедента в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, на требование заявителя распространяется положение абз. 7 п. 2 ст. 213⁵ Закона о банкротстве, а, следовательно, заявитель вправе инициировать возбуждение процедуры банкротства заемщика в упрощенном порядке.

Оспаривание сделки, положенной в основу требования о признании должника банкротом, само по себе не препятствует рассмотрению заявления кредитора с учетом того, что доводы в обоснование ее незаключенности могут быть оценены при проверке обоснованности требования.

2. Расходы на устранение недостатков строительных работ, выявленных в квартирах, которые переданы во исполнение договоров участия в долевом строительстве, являются реальным ущербом и относятся к денежным обязательствам, на основании которых допускается возбуждение дела о несостоятельности (банкротстве) застройщика.

Кредиторы (участники долевого строительства) обратились в суд с совместным заявлением о признании общества несостоятельным (банкротом), ссылаясь в обоснование требования на наличие у последнего перед ними непогашенной задолженности, подтвержденной судебными актами.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судебными актами апелляционной и кассационной инстанций, в принятии заявления к производству отказано в связи с отсутствием у общества признаков банкротства, установленных п. 2 ст. 33 Закона о банкротстве. Суды сочли, что взысканная районным судом стоимость устранения недостатков строительных работ является мерой ответственности за неисполнение договорных обязательств и не может быть принята во внимание при определении признаков банкротства наряду с суммами неустойки и штрафа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве перечень денежных обязательств, на основании которых допускается возбуждение дела о несостоятельности, не является исчерпывающим; исключения (виды неучитываемых денежных обязательств) должны быть предусмотрены законом.

Вопреки выводам судов к числу такого рода исключений ни Закон о банкротстве, ни иные законы не относят как требования о возмещении судебных расходов, так и требования о компенсации морального вреда и о возмещении убытков в форме реального ущерба, которые погашаются в составе третьей очереди удовлетворения до расчетов по требованиям о возмещении убытков в форме упущенной выгоды, о выплате неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций (пп. 1 и 3 ст. 137 Закона о банкротстве).

Расходы на устранение недостатков строительных работ, выявленных в квартирах, переданных обществом заявителям — участникам долевого строительства во ис-

полнение заключенных ими договоров участия в долевом строительстве, являются согласно п. 2 ст. 15, ст. 393 ГК РФ реальным ущербом.

Поскольку общая сумма подтвержденных судебными решениями требований заявителей к обществу, относящихся к компенсации морального вреда, возмещению судебных расходов и реального ущерба, превысила 300 000 руб. и эти требования просрочены более чем на три месяца, у судов не имелось оснований для отказа в принятии к производству заявления о банкротстве общества по приведенным в нем основаниям.

3. Суд не вправе прекратить производство по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур, применяемых в деле, без проверки обоснованности ссылки заявителя на наличие источника, за счет которого могут быть покрыты названные расходы.

По заявлению ФНС России судом возбуждено дело о банкротстве общества.

Впоследствии определением суда производство по делу о банкротстве прекращено на основании абз. 8 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве.

Постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Прекращая производство по делу о банкротстве, суды исходили из того, что ФНС России не дала согласие на финансирование процедуры банкротства, у самого общества отсутствует какое-либо имущество, за счет реализации которого могут быть погашены расходы по делу о несостоятельности.

При этом суды констатировали, что общество, имевшее неисполненные денежные обязательства, менее чем за год до возбуждения дела о его банкротстве по договору купли-продажи реализовало принадлежащее ему недвижимое имущество (земельный участок и магазин) своему мажоритарному участнику — гражданину К.

Суды сочли, что уполномоченный орган не обосновал вероятность пополнения конкурсной массы в результате оспаривания этой сделки как подозрительной на основании ст. 61² Закона о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В соответствии с абз. 8 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве одним из оснований прекращения производства по делу о банкротстве является отсутствие средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в этом деле, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управлению.

Как разъяснено в абз. 3 п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. № 91 “О порядке погашения расходов по делу о банкротстве”, уполномоченный орган, возражая против прекращения производства по делу о несостоятельности по приведенному основанию и настаивая на наличии источника, за счет которого могут быть покрыты названные расходы, вправе представлять доказательства, обосновывающие вероятность поступления в конкурсную массу имущества, в частности, вследствие оспаривания сделок должника.

Проверяя утверждения ФНС России о реальности указанного источника погашения расходов по делу о банкротстве, суд, не рассматривая по существу спор о признании сделки недействительной и не предпринимая его, оценивает, насколько убедительны аргументы уполномоченного органа и приведенные им доказательства по поводу наличия у сделки признаков недействительности. Суд прекращает производство по делу, если эти аргументы, доказательства не являются достаточно вескими либо если будет установлено, что даже в случае удов-

летворения заявления об оспаривании сделки фактическое исполнение реституционного требования маловероятно.

ФНС России аргументированно ссылалась на то, что договор по продаже имущества общества его мажоритарному участнику имеет признаки недействительности, предусмотренные п. 1 ст. 61² Закона о банкротстве: он заключен в годичный период подозрительности, по сделке имущество перешло в собственность контролирующего общества лица, денежные средства, причитающиеся продавцу по договору, не поступили на его банковские счета. Уполномоченный орган представил подтверждающие его позицию документы.

Не соглашаясь с суждениями ФНС России о подозрительном характере упомянутой сделки, суды лишь воспроизвели письменные пояснения представителя общества, согласно которым полученные от продажи недвижимого имущества средства направлены на проведение расчетов с кредиторами общества.

Однако на какие-либо доказательства, подтверждающие данные возражения общества, суды не сослались, в том числе не привели конкретные расчетные операции, по которым выручка по договору купли-продажи недвижимости поступила обществу или его кредиторам.

В отсутствие таких документов доводы уполномоченного органа о возможности признания сделки недействительной следовало оценить как убедительные и не опровергнутые обществом (ст. 65 АПК РФ).

Участвующие в деле лица не указывали на отсутствие экономического смысла в действиях по оспариванию договора купли-продажи (например, на нецелесообразность его оспаривания в связи со сложным финансовым состоянием покупателя, его фактической неспособностью исполнить реституционное требование даже в части, покрывающей расходы на проведение процедур банкротства).

С учетом изложенного выводы судов о необходимости прекращения производства по делу о банкротстве общества преждевременны.

4. Срок предъявления кредитором банка возражений на отказ конкурсного управляющего во включении в реестр требования не является пресекательным и может быть восстановлен при наличии уважительных причин его пропуска.

В рамках дела о банкротстве банка кредитор обратился в суд с возражениями на отказ конкурсного управляющего во включении в реестр его требований.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, кредитору отказано во включении его требований в реестр.

Суды исходили из того, что срок заявления возражений на отказ управляющего составляет пятнадцать календарных дней, возможность его восстановления Законом о банкротстве не предусмотрена. Заявитель получил уведомление об отказе 3 декабря 2020 г., из чего суд сделал вывод, что срок на заявление возражений истек 18 декабря 2020 г. Однако заявитель обратился с возражениями только 21 декабря 2020 г., т.е. с пропуском срока на три дня.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

В рассматриваемом деле перед судами встал вопрос о правовой природе срока заявления возражений в отношении отказа управляющего включить требование кредитора банка в реестр (десять рабочих дней со дня получения кредитором уведомления конкурсного управляющего согласно действующей в настоящее время редакции п. 5 ст. 189⁸⁵ Закона о банкротстве). Суды квалифицировали такой срок в качестве пресекательного, а потому исключая возможность установления требования по его истечении.

Судебная коллегия посчитала такую квалификацию ошибочной, поскольку данный срок (в отличие от пресекательных сроков) не устанавливает период существования субъективного права. Материально-правовое приятие заявления кредитора к конкурсной массе (при его обоснованности) объективно продолжает существовать независимо от истечения названного срока. При этом полномочие на заявление возражений не образует какого-либо самостоятельного права, а является формой преодоления негативного для кредитора решения арбитражного управляющего относительно обоснованности требования.

С учетом того, что клиент в отношениях с банком — более слабая сторона, пропуск им срока на предъявление возражений не является основанием для отказа в принятии заявления к производству. В судебном заседании суд должен вынести на обсуждение сторон вопросы о причинах пропуска срока, об их уважительности, о наличии оснований для его восстановления. Уважительность причин пропуска срока может быть оценена независимо от того, заявлено ли кредитором отдельное ходатайство о его восстановлении (по аналогии с разъяснениями, содержащимися в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 “О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”).

В рассматриваемом случае суды ошибочно квалифицировали правовую природу срока предъявления возражений, в связи с чем вопросы об уважительности причин его пропуска и тем более об обоснованности требования кредитора по существу не рассмотрены.

5. Довод конкурирующего кредитора о мнимости сделки между банкротом и иным кредитором, заявленный при обжаловании судебных актов, которые приняты по спору между ними о взыскании задолженности, должен быть оценен судом апелляционной инстанции наряду с новыми доказательствами.

На основании решения арбитражного суда по спору о взыскании задолженности по арендной плате по заявлению арендодателя (общества) возбуждено дело о банкротстве арендатора.

Другой кредитор арендатора (конкурирующий кредитор) обжаловал это решение, указывая на мнимый характер арендных правоотношений.

Суд апелляционной инстанции оставил судебное решение без изменения, указав, что несогласие кредитора с судебной оценкой представленных доказательств и установленных обстоятельств не может являться основанием для отмены решения; проверка пороков подозрительных сделок, как того требует ст. 61² Закона о банкротстве, не входит в предмет споров о взыскании задолженности по договору; вновь открывшихся обстоятельств, способных повлиять на судебное решение, не установлено.

С данными выводами согласился арбитражный суд округа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

По объективным причинам, связанным с тем, что конкурирующие кредиторы не являлись участниками правоотношений по спору должника с иным кредитором, они ограничены в возможности представления прямых доказательств, подтверждающих их доводы. В то же время они должны заявить такие аргументы или предъявить такие прямые или косвенные доказательства, которые позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, положенных в основу обжалованного судебного решения. Бремя опровержения

этих сомнений перекладывается на кредитора — участника судебного спора с должником.

В данном случае конкурирующий кредитор ссылался на необычный характер сделки, указав помимо прочего на фиктивное оформление арендных правоотношений; на отсутствие в документах бухгалтерского учета каких-либо сведений об аренде; на невыплату арендных платежей за весь период пользования имуществом, что несвойственно для подобных правоотношений, т.е. на обстоятельство, являющиеся согласно ст. 170 ГК РФ признаками мнимости сделки.

Суду апелляционной инстанции следовало дать оценку приведенным доводам заявителя апелляционной жалобы (п. 12 ч. 2 ст. 271 АПК РФ) и с учетом этого решить вопрос об обоснованности требований общества.

Вопреки выводам судов вопрос о недействительности сделки по специальным признакам (ст.ст. 61², 61³ Закона о банкротстве) кредитор не ставил, а доводы о мнимости сделки вполне допустимы в качестве возражений на иск о взыскании задолженности.

У непосредственных участников правоотношений не должно возникать затруднений в объяснении мотивов своих действий и подтверждении реального характера сделки согласующимися между собой доказательствами, в том числе и косвенными.

Обжалование судебных актов в порядке, предусмотренном п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”, осуществляется применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Однако эти правила применяются лишь по аналогии, что установлено ч. 5 ст. 3 АПК РФ, и не умаляют правовую природу экстраординарного порядка, не препятствуют представлению новых доказательств.

6. Право контролирующего должника лица обжаловать судебные акты, принятые по вопросу установления требований кредиторов, реализуется в срок, предусмотренный законодательством о банкротстве для обжалования судебного акта в апелляционном порядке.

В рамках дела о банкротстве должника определением суда от 20 июля 2017 г. требования кредитора включены в третью очередь реестра требований кредиторов как обеспеченные залогом имущества должника.

Ссылаясь на правовую позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2021 г. № 49-П, бывший генеральный директор должника обжаловал определение в апелляционном порядке.

Преграждая производство по апелляционной жалобе, суд исходил из того, что определение суда первой инстанции не влияет на права и обязанности подателя жалобы, поскольку он не является лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности.

Арбитражный суд округа с выводами суда апелляционной инстанции согласился.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и направила жалобу для рассмотрения по существу в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Податель жалобы на протяжении трех лет являлся генеральным директором должника, т.е. имеет статус контролирующего должника лица.

Кроме того, в отношении этого лица подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, которое принято к производству 15 февраля 2021 г.

Таким образом, у контролирующего должника лица возникло процессуальное право на обжалование определения суда первой инстанции о включении требований кредитора в реестр.

Само по себе принятие судом заявления о привлечении генерального директора к субсидиарной ответствен-

ности в деле о банкротстве общества не предоставляло ему возможности ранее обратиться с апелляционной жалобой на определение суда от 20 июля 2017 г. о включении требований кредитора в реестр. Такая возможность обусловлена принятием Конституционным Судом РФ Постановления от 16 ноября 2021 г. № 49-П, опубликованного на официальном интернет-портале правовой информации 18 ноября 2021 г. и в «Российской газете» 26 ноября 2021 г.

Апелляционная жалоба подана ответчиком 2 декабря 2021 г., т.е. в срок, установленный законодательством о банкротстве для обжалования судебного акта в апелляционном порядке.

7. При отсутствии в судебном акте об утверждении финансового управляющего указания на его право получать сведения о персональных данных предоставление такой информации производится по определению арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина, вынесенному по ходатайству финансового управляющего без проведения судебного заседания.

Финансовый управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным отказа органа внутренних дел в предоставлении информации о наличии у супруги должника гражданства Российской Федерации в целях запроса информации о наличии недвижимого и иного имущества.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды первой и апелляционной инстанций исходили из отсутствия у финансового управляющего права на получение информации о частной жизни гражданина, содержащейся в базах данных полиции.

Постановлением арбитражного суда округа судебные акты отменены, отказ органа внутренних дел признан незаконным.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа, судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставила в силе, указав следующее.

Информация, содержащая персональные данные физического лица, в отсутствие согласия последнего на ее передачу выдается финансовому управляющему, если в резолютивной части определения арбитражного суда, которым в деле о банкротстве гражданина утвержден финансовый управляющий, указано на истребование судом таких сведений у соответствующего подразделения органов внутренних дел и выдачу этих сведений финансовому управляющему на руки (ч. 5 ст. 3, ч. 7 ст. 66 АПК РФ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г.).

В определении суда, которым утвержден финансовый управляющий, указание на истребование судом информации о персональных данных супруги должника отсутствовало.

При отсутствии в судебном акте таких указаний предоставление содержащейся в базах данных полиции информации о гражданах производится на основании запроса по определению арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина, которое выносится по ходатайству финансового управляющего без проведения судебного заседания.

8. В удовлетворении заявления финансового управляющего об истребовании информации в отношении банковских счетов и имущества бывшей супруги должника, обусловленного обоснованными сомнениями относительно добросовестности поведения бывших супругов, не может быть отказано, поскольку такое истребование отвечает целям процедуры банкротства гражданина-должника.

В рамках дела о банкротстве Р. (должник) его финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с ходатайством об истребовании документов в отношении бывшей супруги должника из ИФНС и Росреестра.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами, кредиторами должника на собрании среди прочего приняты решения:

— обязать финансового управляющего запросить в ИФНС для представления в арбитражный суд сведения о банковских счетах, открытых на имя бывшей супруги должника;

— обязать финансового управляющего запросить в отношении ее в Росреестре сведения об имевшихся (имеющихся) объектах недвижимого имущества на территории Российской Федерации в период с 2013 года по настоящее время.

В заявлении в суд финансовый управляющий пояснил, что им ранее были направлены запросы в ИФНС и Росреестр, однако ответы на них не поступили.

На основании ст.ст. 213⁹, 213²⁶ Закона о банкротстве, ст. 34 СК РФ, с учетом разъяснений, изложенных в п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», суды пришли к выводу о том, что финансовый управляющий не лишен возможности запросить необходимые ему сведения непосредственно у бывшей супруги должника.

Суды указали на подписание брачного договора супругами в 2013 году, расторжение ими брака в 2017 году. Поскольку в материалы дела не представлены доказательства недействительности брачного договора, признания расторгнутого брака фиктивным, а также доказательства неправомерного владения/пользования имуществом должника бывшей супругой, суды пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения ходатайства финансового управляющего об истребовании документов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 20³ Закона о банкротстве арбитражный управляющий в деле о банкротстве имеет право запрашивать необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих лицах, о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну.

Согласно ст. 129 Закона арбитражный управляющий в целях исполнения возложенных на него обязанностей осуществляет поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц. Для этого финансовый управляющий вправе запрашивать во внесудебном порядке у третьих лиц, а также у государственных органов и органов местного самоуправления сведения, необходимые для проведения процедур банкротства (абз. 7 и 10 п. 1 ст. 20³, пп. 7, 8 ст. 213⁹ Закона о банкротстве).

Пунктом 9 ст. 213⁹ Закона о банкротстве установлена обязанность гражданина по требованию финансового управляющего предоставлять ему любые сведения о составе своего имущества, месте нахождения этого имущества, составе своих обязательств, кредиторах и иные имеющие отношение к делу о банкротстве гражданина сведения, при неисполнении которой финансовый управляющий вправе обратиться в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, с ходатайством об истребовании доказательств у третьих лиц.

В данном случае финансовый управляющий просил у суда содействия в получении информации о банковских счетах и об имуществе, принадлежащем бывшей супруге должника, ссылаясь в том числе на вероятность сокрытия имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, путем его передачи в пользу бывшей супруги с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами.

Принимая во внимание определения арбитражного суда первой инстанции по делу о признании недействительными сделок, в результате которых должник перевел супруге денежные средства и переоформил на нее ликвидное имущество, Судебная коллегия пришла к выводу о том, что в рассматриваемом случае действия финансового управляющего по истребованию информации в отношении банковских счетов и имущества бывшей супруги должника обусловлены сомнениями относительно добросовестности поведения бывших супругов и отвечают целям процедуры банкротства гражданина-должника.

В ходе рассмотрения дела бывшая супруга возражала против истребования сведений, в связи с чем ссылающаяся на то, что финансовый управляющий не лишен возможности запросить необходимые ему сведения непосредственно у нее, не может быть признана правомерной.

При этом должник и его бывшая супруга не смогли дать пояснения относительно того, каким образом истребование спорных сведений нарушает их права и законные интересы (как бывших супругов), имея в виду, что за разглашение полученных сведений финансовый управляющий может быть привлечен к ответственности, предусмотренной законодательством.

Дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в том числе для выяснения целесообразности предоставления истребуемой информации в отношении бывшей супруги за период, выходящий за пределы сроков исковой давности для оспаривания сделок.

9. При отсутствии у должника средств, достаточных для финансирования процедур банкротства, необходимые расходы могут быть отнесены на его учредителей (участников).

В отношении общества арбитражным судом введена процедура наблюдения, утвержден временный управляющий. Впоследствии производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Определением суда с общества в пользу временного управляющего взыскано вознаграждение за процедуру наблюдения и судебные расходы. Исполнительное производство по взысканию задолженности окончено в связи с невозможностью установить местонахождение общества и его имущества.

Арбитражный управляющий, полагая, что указанные расходы должны быть погашены заявителем по делу — руководителем и единственным участником общества (далее — ответчик), обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с ответчика вознаграждения и судебных расходов.

Отказывая в удовлетворении заявления, суды первой и апелляционной инстанций ссылались на то, что ответчик не является заявителем по делу о банкротстве, в данном случае таковым является сам должник. При этом согласия на финансирование процедуры банкротства ответчик не давал. Взыскание непогашенного требования управляющего с ответчика должно осуществляться посредством подачи заявления о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Арбитражный суд округа с выводами судов согласился.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты, указав следующее.

В данном случае заявление о банкротстве подано самим должником, руководителем и единственным участником которого являлся ответчик.

Установлено отсутствие у должника имущества, достаточного для финансирования процедуры банкротства.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве”, по смыслу п. 5 ст. 61, п. 2 ст. 62 ГК РФ при отсутствии у должника средств, достаточных для финансирования процедур банкротства, необходимые расходы могут быть отнесены на его учредителей (участников).

Возложение на участников подобных расходов осуществляется в силу принадлежащего им статуса и не обусловлено ни фактом подачи заявления о банкротстве, ни принятием мер по созданию ликвидационной комиссии. Следовательно, в соответствии с приведенными положениями законодательства и разъяснениями Пленума расходы на ликвидацию юридического лица (проведение в отношении его процедур банкротства) подлежат возложению на ответчика как участника должника.

Отсутствие со стороны учредителей (участников) действий по добровольной уплате судебных расходов на ликвидацию юридического лица не образует состава нарушения, влекущего субсидиарную ответственность в банкротстве.

Деликтный характер субсидиарной ответственности подразумевает наличие вины контролирующего должника лица в наступлении банкротства и причинении вреда имущественным правам кредиторов, тогда как обязанность участников по оплате соответствующих расходов при недостаточности имущества должника возлагается на них в силу закона независимо от вины в доведении должника до банкротства.

Заявление арбитражного управляющего о взыскании расходов по делу о банкротстве с учредителей (участников) должника подлежит рассмотрению в деле о банкротстве применительно к ст. 112 АПК РФ (п. 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ “О порядке погашения расходов по делу о банкротстве”, п. 52 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”).

Материальные вопросы. Оспаривание сделок

10. Операции по перечислению адвокату денежных средств в счет оплаты юридических услуг, оказанных работнику и обусловленных в том числе защитой интересов самого общества (должника), сами по себе не признаются направленными на причинение вреда кредиторам.

Адвокат на основании соглашения, заключенного между ним и должником, осуществлял защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого по уголовному делу в отношении сотрудника общества.

Факт оказания услуг адвокатом подтвержден документально.

Должник перечислил адвокату денежные средства в счет оплаты оказанных услуг с использованием расчетного счета областной коллегии адвокатов.

В рамках дела о банкротстве должника его кредиторы обратились в суд с заявлением о признании недействительными расчетных операций по перечислению на счет коллегии адвокатов денежных средств, а также о применении последствий недействительности этих платежей в виде взыскания с адвоката данных денежных средств.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты, отказала в удовлетворении заявленных требований, указав следующее.

Оспариваемые платежные операции совершены в трехлетний период подозрительности, предшествовавший возбуждению дела о банкротстве должника, и подлежали проверке на соответствие требованиям п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

В силу п. 2 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” адвокат ведет свою практику на основании соглашения, под которым понимается заключенный в письменной форме гражданско-правовой договор на оказание юридической помощи как самому доверителю, так и назначенному им лицу.

Согласно приведенной норме организация вправе заключить с адвокатом договор возмездного оказания услуг своему работнику. Избрание подобной модели построения договорных отношений само по себе не свидетельствует о направленности договора на причинение вреда кредиторам доверителя как одного из обстоятельств, совокупность которых влечет признание сделки недействительной по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

При вступлении в договорные отношения с адвокатом, в ходе оказания услуг и получения оплаты за оказанные услуги интересы должника и его сотрудников, привлекаемых к уголовной ответственности, полностью совпадали. Так, потерпевшим по уголовному делу являлся не должник, а его контрагент — компания. Суть обвинений, предъявленных руководителю и работникам должника, сводилась к тому, что ими перед генеральным директором и единственным участником компании создавалась лишь видимость надлежащего выполнения работ по сделке, связывающей компанию и должника. Как сам должник, так и его работники, отрицавшие данные обстоятельства, были напрямую заинтересованы в том, чтобы доказать обратное в любом процессе, в том числе и в уголовном.

В связи с этим действия должника, направленные на привлечение адвоката, имели целью получение квалифицированной юридической помощи.

Оказывая юридическую помощь, адвокат обязан исходить из презумпции невиновности своего подзащитного в силу ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации. Разрешение вопроса о возможности заключения независимым адвокатом договора с организацией о защите интересов ее работника в рамках уголовного дела не может обуславливаться возложением на данного адвоката такой обязанности, как проверка имущественного положения организации-доверителя.

Фактическое оказание адвокатом услуги подтверждено документально.

В ходе разрешения обособленного спора не установлено, что в целях причинения вреда кредиторам стороны договора об оказании юридических услуг при определении цены сделки действовали явно недобросовестно, в частности намеренно многократно завысили эту цену.

При рассмотрении дела не установлено и то, что адвокат является аффилированным (формально-юридически или фактически) с должником или его работниками.

Поскольку сделка, платежи по которой оспаривались, не была направлена на достижение противоправной цели причинения вреда кредиторам должника, заявленные требования не подлежали удовлетворению.

11. Для целей банкротства приобретение у должника имущества по многократно заниженной стоимости и отсутствие у покупателя подтвержденного обоснования такого занижения могут свидетельствовать о том, что эта сторона знала о совершении сделки с намерением причинить вред имущественным правам кредиторов.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлени-

ем о признании недействительным договора купли-продажи земельного участка площадью 2841 кв.м по цене 426 150 руб. Переход права собственности к покупателю зарегистрирован.

Признавая сделку недействительной на основании п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, суд первой инстанции исходил из доказанности неравноценности встречного исполнения, а также из неподтвержденности наличия у ответчика финансовой возможности приобретения спорного имущества.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд кассационной инстанции, исходил из отсутствия доказательств осведомленности ответчика о неплатежеспособности должника и наличии цели причинения вреда кредиторам должника, учитывая получение должником встречного удовлетворения. Суды сочли, что цена договора при таких обстоятельствах значения не имеет.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила определение суда первой инстанции в силе, указав следующее.

Как разъяснено в п. 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, осведомленность контрагента должника о противоправных целях сделки как одно из совокупных условий для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве может доказываться через опровержимые презумпции заинтересованности обеих сторон сделки, знание об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках его неплатежеспособности или недостаточности у него имущества.

При разрешении подобных споров суду в том числе следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно. Существенное отклонение от стандартов общепринятого поведения подозрительно и в отсутствие обоснования и доказательств оправданности такого поведения может указывать на недобросовестность лица.

Суд первой инстанции не установил заинтересованности ответчика по отношению к должнику.

Вместе с тем суд принял во внимание, что установленная спорным договором цена ниже кадастровой стоимости в три раза, рыночной — более чем в девять раз.

Действия лица, приобретающего имущество по цене явно ниже кадастровой и рыночной, нельзя назвать осмотрительными. Многократное занижение стоимости отчуждаемого имущества должно породить у любого добросовестного и разумного участника гражданского оборота сомнения относительно правомерности такого отчуждения.

В подобной ситуации предполагается, что покупатель либо знает о намерении должника вывести свое имущество из-под угрозы обращения на него взыскания и действует с ним совместно, либо понимает, что менеджмент или иные контролирующие должника лица избавляются от имущества общества по заниженной цене по причинам, не связанным с экономическими интересами последнего. Соответственно, покупатель прямо или косвенно осведомлен о противоправной цели должника.

Кроме того, конкурсный управляющий приводил доводы о нахождении спорного имущества под арестом, об отсутствии как надлежащих доказательств оплаты имущества и поступления денежных средств должнику, так и финансовой возможности у ответчика оплатить имущество в установленном размере.

Совокупность установленных судом первой инстанции обстоятельств спора и приведенных конкурсным управляющим доводов свидетельствовала в пользу того,

что отчуждение имущества осуществлено по заниженной цене и направлено на вывод активов из конкурсной массы. Бремя их опровержения возлагалось на ответчика.

В нарушение требований ст. 65 АПК РФ ответчик индивидуальные характеристики недвижимости, которые бы объективно свидетельствовали о наличии особенностей, значительно снижающих ее стоимость, не раскрыл, ходатайство о проведении судебной экспертизы рыночной стоимости имущества не заявил, надлежащих доказательств ее оплаты (первичных документов бухгалтерского учета) не представил, добросовестность и разумность своих действий не подтвердил.

На основании указанного суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о наличии у оспариваемой сделки признаков подозрительности.

12. В отсутствие у сделки признаков причинения вреда имущественным правам кредиторов иные обстоятельства, совокупность которых является основанием для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, не имеют правового значения.

Между обществом и компанией заключено мировое соглашение, в обеспечение обязательств компании по которому между должником и обществом заключен договор поручительства.

После возбуждения в отношении компании дела о банкротстве общество и должник заключили договор цессии, по условиям которого должнику уступлено право требования с компании долга по мировому соглашению.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании договора цессии недействительной сделкой и применении последствий недействительности сделки.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение отменено, заявление удовлетворено в связи с наличием признаков неплатежеспособности должника, заключением договора на невыгодных для должника условиях, а также с неопровержением презумпций, предусмотренных п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве.

Арбитражный суд округа оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила определение суда первой инстанции в силе, указав следующее.

Судами установлено, что компания являлась аффилированным по отношению к должнику лицом с общими экономическими интересами, что объясняет мотивы выдачи поручительства.

Оспариваемый договор цессии заключен за год до возбуждения в отношении должника дела о банкротстве и, как неоднократно указывало общество, представляет собой добровольное урегулирование спора о взыскании задолженности по мировому соглашению и договору поручительства и не создает каких-либо новых обязательств для должника. В отсутствие договора цессии ответчик вправе был требовать исполнения от должника на основании поручительства. Таким образом, спорная сделка не ухудшила имущественного положения должника и не причинила вреда его кредиторам. При этом ни договор поручительства, ни операции по перечислению денежных средств конкурсным управляющим не оспариваются.

Принимая во внимание отсутствие у спорной сделки признаков причинения вреда, Судебная коллегия пришла к выводу, что вопросы аффилированности сторон, осведомленности ответчика о неплатежеспособности должника и иные составные элементы подозрительности не имели правового значения.

13. Условие договора о проведении расчетов через специальный счет с банковским сопровождением сделки не обособляет хранящиеся на этом счете денежные средства от притязаний кредиторов.

По условиям муниципального контракта расчет с фирмой (генподрядчиком) осуществлялся на специальном банковском счете. Фирма имела право привлекать для выполнения работ субподрядчиков с условием о расчетах с ними на отдельных счетах в том же банке, в котором был открыт ее специальный банковский счет.

По договору с фирмой общество с 2 октября по 19 декабря 2017 г. выполнило субподрядные работы и сдало результат фирме. В счет оплаты работ фирма перечислила обществу 5, 11 и 29 декабря 2017 г. денежные средства.

21 декабря 2017 г. возбуждено дело о банкротстве фирмы, и впоследствии она признана банкротом, открыто конкурсное производство.

Суды отказали в удовлетворении заявления конкурсного управляющего фирмой, оспоровившего платежи по п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве и полагавшего, что общество получило предпочтение перед кредиторами фирмы, имевшими более ранние непогашенные требования. Суды исходили из того, что расчет с обществом производился за счет средств, поступивших в адрес фирмы от муниципального заказчика за выполненные работы. В силу адресности и целевого характера бюджетных средств кредиторы, не участвовавшие в выполнении этих работ, не могли на них рассчитывать.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Во всех случаях, когда законодатель полагает необходимым защитить определенное имущество должника от обращения на него взыскания в пользу кредиторов, т.е. дать исполнительский иммунитет, на это прямо указывается в законе.

Подобный исполнительский иммунитет в отношении денежных средств, полученных подрядчиком от муниципального заказчика за работы, выполненные и переданные ему во исполнение обязательств по муниципальному контракту, законом не предусмотрен.

Условие договора субподряда о расчете через специальный счет с банковским сопровождением сделки не обособляет хранящиеся на этом счете денежные средства от притязаний кредиторов фирмы, тем более в случае ее банкротства. Закон не дает права кому-либо самостоятельно устанавливать исполнительский иммунитет на то или иное имущество. Это компетенция исключительно законодателя.

Довод общества о выполнении фирмой исключительно транзитной функции в расчетах по муниципальному контракту (технической передаче денежных средств от муниципального заказчика субподрядчикам) не подтвердился.

Общество в бюджетных правоотношениях не состояло, а фирма полностью сдала результат работ муниципальному заказчику и получила от него оплату, т.е. денежные средства поступили к адресату, достигли своего целевого назначения и стали имуществом фирмы. В связи с этим положения Бюджетного кодекса РФ об адресности и о целевом характере бюджетных денежных средств в данном споре неприменимы.

Обязательство фирмы перечислить денежные средства исключительно обществу носило гражданско-правовой характер.

Таким образом, у судов не имелось оснований для отказа в удовлетворении требований конкурсного управляющего фирмой в связи с какими-либо особенностями счета должника.

14. При рассмотрении спора о признании недействительными операций по перечислению клиентом банка денежных средств с валютного счета, открытого в этом банке, на счета третьих лиц в иной кредитной организации суды не учли поступление в спорный период на рублевый расчетный счет общества, используемый для покупки валюты, денежных средств из внешних источников, в том числе других кредитных организаций.

Лицензия на осуществление банковских операций отозвана у банка 10 января 2020 г., в этот же день назначена временная администрация по управлению кредитной организацией.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий (агентство) обратился в суд с заявлением о признании недействительными операций, совершенных обществом (клиентом банка) 12 и 13 декабря 2019 г., по перечислению 537 Евро и 50 Евро (37 898 руб. и 3521 руб. по курсу Банка России) с его валютного счета, открытого в банке, на счета третьих лиц в иной кредитной организации и о применении последствий недействительности данных операций.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявление удовлетворено.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций, общество открыло в банке рублевый и валютный счета.

Из представленных конкурсным управляющим выписок по рублевому и валютным счетам общества последнее 12 декабря 2019 г. с расчетного рублевого счета, открытого в банке, осуществило операцию по покупке валюты. В тот же день валютная сумма зачислена на валютный счет общества, открытый в банке, и затем, 12 декабря 2019 г., общество направило часть данной суммы через корреспондентский счет банка на счет третьего лица, открытый в иной кредитной организации. 13 декабря 2019 г. общество с расчетного рублевого счета, открытого в банке, осуществило другую операцию по покупке валюты, в тот же день валютная сумма зачислена на валютный счет общества, открытый в банке, и затем, 13 декабря 2019 г., общество направило часть данной суммы через корреспондентский счет банка на счет третьего лица, открытый в другой кредитной организации.

Суды установили, что К. контролировала долю в уставном капитале банка в размере 64% через иностранную компанию. Одновременно она владела долей в уставном капитале мажоритарного акционера общества в размере 86,25%.

Признавая спорные операции недействительными, суд первой инстанции сослался на ст.ст. 61², 61³ и 189⁴⁰ Закона о банкротстве и исходил из того, что операции совершены менее чем за месяц до дня назначения временной администрации. Ввиду наличия корпоративных связей общество, как указал суд, обладало информацией о неблагоприятном финансовом состоянии банка. Суд счел, что с 24 декабря 2019 г. в банке должна была начать формироваться официальная картотека, с 26 декабря 2019 г. выявлены факты подачи клиентами банка жалоб на неисполнение их поручений.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с общим выводом суда первой инстанции о недействительности операций, признал ошибочным применение к спорным отношениям ст. 61² Закона о банкротстве и отклонил возражения относительно того, что К. не располагала информацией о делах кредитной организации, сославшись на то, что добросовестность К. не имеет правового значения и не может являться основанием для отказа в удовлетворении заявления агентства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ по жалобе общества отменила принятые по обособленному спору судебные акты по следующим основаниям.

Спорные платежи совершены в течение одного месяца до назначения Банком России временной администрации по управлению банком.

В соответствии с п. 1 ст. 61³, ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве они могли быть признаны недействительными, если повлекли за собой оказание предпочтения одному из кредиторов по отношению к другим кредиторам банка.

В отношении суммы, полученной обществом с предпочтением по отношению к другим кредиторам, Судебная коллегия указала следующее.

Наличие в законодательстве о несостоятельности правил об очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов обусловлено недостаточностью имущества несостоятельного лица для расчетов со всеми кредиторами. Оспаривание сделок (операций) с предпочтением (ст. 61³ Закона о банкротстве) направлено на устранение последствий исполнения должником обязательств с нарушением этих правил. Такое оспаривание применяется в ситуации, когда в преддверии банкротства один из кредиторов получает равноценное удовлетворение в пределах причитающегося ему по обязательству, связывающему должника и кредитора, но сверх того, что кредитор получил бы при распределении конкурсной массы в соответствии с положениями Закона о банкротстве. Данное оспаривание должно приводить к выравниванию шансов всех кредиторов на соразмерное удовлетворение их требований.

В рассматриваемом случае агентство вменяет обществу преимущественное получение удовлетворения по обязательству, вытекающему из договора банковского счета, об исполнении распоряжения клиента о перечислении средств или их выдаче в пределах остатка денежных средств на счете (п. 1 ст. 845 ГК РФ).

Как видно из выписок по валютному и рублевому счетам общества, платежи были совершены за счет средств, находящихся на рублевом счете, с которого осуществлена покупка иностранной валюты, зачисленной затем на валютный счет общества и направленной им третьим лицам. Фактически валютный счет в данной ситуации выступал в качестве транзитного. Суды ошибочно оценили лишь расходные операции по валютному счету общества, тогда как на рублевый счет, являвшийся, по сути, основой для осуществления платежей, в спорный период периодически поступали денежные средства из внешних источников — со счетов, открытых в других кредитных организациях, не испытывающих финансовых трудностей.

В ситуации, когда неразрывно связанные операции по приобретению иностранной валюты и ее расходование привели к предпочтительному получению обществом остатка по его рублевому счету, последующая операция, на основании которой на этот же счет поступила денежная сумма из внешних источников, пополнившая корреспондентский счет банка, а значит, и конкурсную массу, устраняет данное предпочтение на поступившую сумму. Такой подход соответствует смыслу ст. 61⁷ Закона о банкротстве, согласно которой суд может отказать в признании сделки недействительной в случае, если приобретатель по оспариваемой сделке вернул все исполненное в конкурсную массу.

Таким образом, сумму, полученную обществом с предпочтением, надлежало исчислять исходя из анализа совокупности операций по списанию средств с его счетов, являвшихся действительным источником выплаты, и зачислению на эти счета.

15. В целях применения п. 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве при подсчете общего размера кредиторской задолженности не подлежат учету требования как стороны оспариваемой сделки, так и ее правопреемника.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора залога, заключенного между должником и банком, применении последствий недействительности сделки.

Определением суда первой инстанции заявление кредитора оставлено без рассмотрения ввиду того, что размер его требования на момент подачи иска составлял менее 10% от общего размера кредиторской задолженности.

Постановлением арбитражного апелляционного суда указанное определение отменено, вопрос направлен на новое рассмотрение. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что при исчислении общего размера кредиторской задолженности не подлежат учету требования компании, являющейся правопреемником банка, в том числе по оспариваемому договору залога. Без учета требований компании размер задолженности перед истцом превышал пороговое значение в 10% и позволял обратиться с самостоятельным заявлением об оспаривании сделки.

Арбитражный суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе определение суда первой инстанции, указав, что в силу п. 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве при определении общего размера кредиторской задолженности не учитываются требования лица, в отношении которого сделка оспаривается. Банк (ответчик) в настоящее время не является кредитором по делу, его требования уступлены компании, в связи с чем отсутствуют основания для неучета требований банка при подсчете общего размера требований кредиторов.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ постановлением арбитражного суда округа отменила, постановление апелляционного суда оставила в силе, указав следующее.

По смыслу п. 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве заявление об оспаривании сделки может быть подано кредиторами, совокупный размер требований которых составляет более 10% требований кредиторов, включенных в реестр.

При подсчете указанного порогового значения не учитываются требования кредитора (и его аффилированных лиц), в отношении которого сделка оспаривается.

Подобное регулирование, исключающее требования ответчика из подсчета общего количества голосов, направлено на устранение негативных последствий объективно возникающего конфликта интересов, поскольку кредитор-ответчик как сторона сделки обычно не заинтересован в ее оспаривании.

В рассматриваемой ситуации спорный договор залога заключен между должником и банком, впоследствии банк уступил требования к должнику (в том числе основанные на этом договоре залога) в пользу компании, осуществлена замена кредитора в реестре.

Делая вывод о невозможности исключения из общего количества голосов требований компании, арбитражный суд округа фактически исходил из того, что после уступки банк перестал быть кредитором, однако остался ответчиком по спору, поскольку именно с ним заключен договор залога.

Однако указанный вывод ошибочен. В результате уступки компания не только приобрела права кредитора, ранее принадлежавшие банку, но и стала потенциальным ответчиком по всем заявлениям об оспаривании заключенных с правопреемником сделок, на которых основаны требования правопреемника, включенные в реестр. Иной подход арбитражного суда округа предоставлял бы недобросовестным лицам возможность посредством применения механизма уступки разделять статус ответчика и кредитора, исключая применение положений п. 2 ст. 61⁹ Закона о банкротстве.

Таким образом, поскольку требования компании подлежали исключению из общего количества голосов для расчета порогового значения, предоставляющего кредиторам право на подачу иска, арбитражным судом округа не опровергнуты выводы суда апелляционной инстанции о достаточности требований истца для оспаривания сделки.

16. Действия, направленные на установление завершающей обязанности одной из сторон в рамках подрядного правоотношения, не являются операцией, которая может быть оспорена по правилам ст. 61³ Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в подобном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения.

До возбуждения дела о банкротстве (10 мая 2016 г.) общество выполняло по заданию компании работы по строительству и реконструкции объектов на основании ряда документов, поименованных договорами.

Двусторонними актами компания (заказчик) и общество (подрядчик) вычитали из стоимости подлежащих оплате заказчиком работ стоимости переданных подрядчику материалов, топлива, электроэнергии и расходов по доставке персонала подрядчика. Акты подписаны в пределах месячного срока, предшествующего возбуждению дела о банкротстве общества, и после его возбуждения. На момент подписания актов обществом не исполнялись обязательства перед иными кредиторами, требования которых впоследствии включены в реестр требований кредиторов общества.

В рамках дела о банкротстве общества его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением, в котором просил признать недействительными сделки, направленные на прекращение зачетом встречных денежных обязательств общества и компании, оформленных в период с 26 ноября 2015 г. по 31 мая 2016 г. девятнадцатью двусторонними актами, применить последствия их недействительности.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление конкурсного управляющего удовлетворено частично.

Суды сочли, что акты направлены на прекращение встречных однородных обязательств зачетом, компании оказано предпочтение в удовлетворении ее требований, и признали сделки по зачету недействительными на основании п. 2 ст. 61³ Закона о банкротстве.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Для правильной квалификации возникших между обществом и компанией отношений и разрешения вопроса о применении к ним правил об отдельных видах договоров судам необходимо было, прежде всего, определить условия сделки, истолковав подписанные сторонами документы в соответствии с правилами ст. 431 ГК РФ, не ограничиваясь одним лишь воспроизведением наименования данных документов, указанного сторонами. Толкование судом договора не может приводить к такому пониманию его условия, которое стороны с очевидностью не имели в виду (абз. 3 п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора”).

Характерной особенностью связи продавца и покупателя, закрепленной в соглашении (договоре-соглашении) о купле-продаже, является то, что по подобному соглашению одна сторона (продавец) обязуется передать товар в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель должен принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (п. 1 ст. 454 ГК РФ). В ситуации, когда стороны договора подряда исключают действие содержащейся в п. 1 ст. 704 ГК РФ диспозитивной нормы о том, что работы выполняются из материалов подрядчика и заказчик фактически передает эти материалы подрядчику для выполнения работ, между ними не возникают отношения по купле-продаже. Равным образом при закреплении в соглашении подрядчика и заказчика договорной обязанности о содействии заказчика

(ст. 718 ГК РФ) данная договорная обязанность не имеет самостоятельной правовой природы, она выступает частью подрядных отношений и является встречной по отношению к обязанности подрядчика своевременно начать и в согласованный срок закончить работы.

По мнению компании, исходя из особенностей места выполнения работ (автономное месторождение без свободного доступа к инфраструктуре и населенным пунктам) сторонами была выбрана модель выполнения подрядных работ с использованием материалов заказчика и при его содействии — с потреблением материалов заказчика, расходом его ресурсов (электроэнергии и дизельного топлива), организацией заказчиком доставки работников подрядчика на удаленный объект, что не изменяет правовой природы сложившихся подрядных отношений и не свидетельствует о возникновении самостоятельных отношений как по подряду, так и по купле-продаже, возмездному оказанию услуг.

Согласно сложившейся судебной практике действия, направленные на установление завершающей обязанности одной из сторон в рамках подрядного правоотношения, не являются операцией, которая может быть оспорена по правилам ст. 61³ Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в подобном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения — причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам, соглашаясь на отступление от диспозитивного правила о выполнении работ иждивением подрядчика, потребляя в ходе исполнения своих обязательств ресурсы заказчика и используя его содействие (п. 1 ст. 704, ст. 718 ГК РФ).

Суды уклонились от оценки приведенных возражений компании, тогда как они имели существенное значение для правильного разрешения спора, в связи с чем дело направлено на новое рассмотрение.

17. Не подлежат оспариванию по правилам ст. 61³ Закона о банкротстве осуществленные в рамках договора оказания услуг по передаче тепловой энергии и теплоносителя действия, которые направлены на установление завершающей обязанности одной из сторон договора осуществить выплату в пользу другой стороны.

Индивидуальный предприниматель обратился в суд с заявлением о признании недействительным зачета встречных однородных требований между обществом и должником, применении последствий недействительности сделки в виде восстановления права требования предпринимателя к должнику.

Между обществом (поставщик тепловой энергии) и предприятием (теплосетевая организация) имелись взаимные правопритязания: должник взыскивал долг за свои услуги по передаче тепловой энергии, а общество требовало возмещения нормативных и сверхнормативных потерь тепловой энергии за тот же период. Судами в рамках отдельных споров удовлетворены требования каждой из сторон. Сальдо сложилось в пользу общества.

После вступления судебных актов в законную силу конкурсный управляющий предприятия направил конкурсному управляющему общества заявление о сальдировании взаимных обязательств по договору оказания услуг по передаче тепловой энергии и теплоносителя, в результате которого требования к предприятию уменьшились на сумму долга общества перед предприятием.

До этого в деле о банкротстве общества права требования к предприятию реализованы на торгах предпринимателю.

В отношении общества конкурсное производство завершено, оно исключено из Единого государственного реестра юридических лиц.

Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанций сослались на положения ст.ст. 60, 134 Закона о банкротстве, ст. 411 ГК РФ и исходили из того, что одностороннее заявление о сальдировании обязательств, сде-

ланное в ходе конкурсного производства при отсутствии обоюдной воли сторон, не влечет юридических последствий, особенно с учетом нахождения обеих сторон в процедурах банкротства. При таких условиях суды восстановили задолженность предприятия перед предпринимателем.

Оставляя без изменения судебные акты, арбитражный суд округа признал ошибочными выводы судов о невозможности в рассматриваемой ситуации оспаривать состоявшийся зачет как сделку с предпочтением. Однако отметил, что состоявшийся зачет со стороны конкурсного управляющего предприятия произведен с нарушением очередности, установленной п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве, применительно к текущим кредиторам общества (имелись кредиторы более приоритетных очередей), т.е. является сделкой с предпочтением.

Дополнительно арбитражный суд округа указал, что при наличии присужденной задолженности, ее последующего включения в реестры текущих требований кредиторов обоих должников, определение завершающей встречной обязанности сторон невозможно, так как это приведет к пересмотру вступивших в законную силу судебных актов в не санкционированном действующим законодательством порядке, что недопустимо в силу положений ст. 16 АПК РФ.

Между тем судами не учтено следующее.

Сопоставление обязанностей сторон из одного договора (либо нескольких взаимосвязанных договоров) и осуществление арифметических (расчетных) операций с целью определения лица, на которого возлагается завершающее исполнение (с суммой такого исполнения), не могут быть квалифицированы как зачет и не подлежат оспариванию как отдельная сделка по правилам ст. 61³ Закона о банкротстве по причине отсутствия квалифицирующего признака в виде получения контрагентом какого-либо предпочтения, так как в отличие от зачета встречные требования в подобной ситуации фактически не возникают.

В рассматриваемом случае между сторонами был заключен договор на оказание услуг по передаче тепловой энергии и теплоносителя. Общество было обязано оплатить должнику стоимость таких услуг, в то время как должник был обязан возместить нормативные и сверхнормативные потери за тот же период.

Процесс передачи тепловой энергии неизбежно связан с технологическими потерями этого ресурса при транспортировке его по тепловым сетям до потребителя. Образующиеся в результате такой деятельности требования сторон договора взаимосвязаны.

По этой причине заявление управляющего о сальдировании взаимных обязательств направлено не на осуществление зачета, а на констатацию сформировавшейся к этому моменту завершающей обязанности одной из сторон договора, в силу чего подобное волеизъявление не может быть оспорено как сделка с предпочтением.

Тот факт, что к моменту заявления управляющего задолженность взыскана вступившими в законную силу судебными актами, вопреки выводам судов не препятствует определению итоговой обязанности одной из сторон в рамках взаимных обязательств.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что требования предпринимателя не подлежали удовлетворению.

**Установление требований
в реестре требований кредиторов**

18. Нахождение кредитора в процедуре банкротства не изменяет очередность удовлетворения его требования о возврате компенсационного финансирования.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества вступившим в законную силу определением суда признаны недействительными операции по перечисле-

нию обществом в пользу концерна денежных средств, применены последствия их недействительности в виде взыскания этих средств с концерна в пользу общества. Общество обратилось в суд с заявлением о включении реституционного требования в реестр требований кредиторов (далее — реестр) в деле о банкротстве концерна.

Определением арбитражного суда требование общества признано обоснованным, подлежащим удовлетворению после погашения требований, указанных в п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве и п. 8 ст. 63 ГК РФ (в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты).

Понижая очередность удовлетворения названного требования, суд первой инстанции исходил из того, что общество и концерн входили в одну группу компаний. Под влиянием бенефициара группы подконтрольное ему общество (плательщик) перечислило денежные средства концерну (получателю), находящемуся в ситуации имущественного кризиса. Суд признал операции по перечислению денежных средств компенсационным финансированием, сославшись на п. 3.1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г., далее — Обзор по субординации).

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции и включил требование общества в реестр концерна с удовлетворением в третью очередь. Суд исходил из того, что с учетом нахождения плательщика и получателя в процедурах банкротства, а также признания операций недействительными понижение очередности удовлетворения требования общества нарушит права и законные интересы его кредиторов, не имеющих отношения к спорным операциям.

Арбитражный суд округа выводы суда апелляционной инстанции поддержал.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставила в силе определение суда первой инстанции, указав следующие.

В рамках данного обособленного спора суд первой инстанции установил, что причиной перечисления обществом денежных средств концерну в отсутствие документов, обосновывающих это перечисление с точки зрения обычных обязательственных отношений двух коммерческих организаций, являлось использование лицом, контролирующим группу компаний, в том числе плательщика и получателя, преимуществ своего положения для вывода одного члена группы — концерна — из состояния имущественного кризиса, выразившегося в недостаточности денежных средств. Иное не было установлено судом апелляционной инстанции. Заинтересованные лица выводы суда первой инстанции не опровергли.

По общему правилу основания для субординации устанавливаются на момент возникновения обязательства по возврату компенсационного финансирования. Так, в п. 7 Обзора по субординации разъяснено, что, если компенсационное финансирование предоставлено в условиях имущественного кризиса должника и на момент его предоставления кредитор являлся мажоритарным акционером, последующая продажа этим кредитором пакета акций, прекратившая возможность осуществления им контроля над должником, не изменяет очередность удовлетворения требования бывшего мажоритарного акционера.

Приведенный подход применим и тогда, когда последующая утрата контроля произошла по иным причинам — в связи с возбуждением дела о несостоятельности (банкротстве) контролирующего должника (аффилированного с ним) лица и передачей управления над имущественной массой последнего независимому конкурсно-

му управляющему. Сам по себе факт, что контролирующее (аффилированное) лицо, предоставившее компенсационное финансирование, находится в процедуре конкурсного производства и операции по выдаче такого финансирования оспорены в деле о несостоятельности плательщика, не является основанием для отказа в субординации реституционного требования о возврате компенсационного финансирования.

Констатация того, что таким финансированием нарушены права кредиторов общества, не меняет правовую природу финансирования, его компенсационный характер в отношениях “плательщик — получатель”, которые и являются предметом исследования в рамках дела о банкротстве концерна.

Таким образом, требование общества подлежало субординации.

19. Для целей квалификации суброгационного требования поручителя в качестве компенсационного финансирования значение имеет момент заключения договора поручительства.

В целях обеспечения исполнения заемщиком (должником) обязательств по возврату кредита между банком и поручителем заключен договор поручительства.

Ввиду ненадлежащего исполнения должником кредитных обязательств банк направил требование о возврате кредитных средств в полном объеме, впоследствии списав их со счета поручителя.

В рамках дела о банкротстве должника поручитель обратился с заявлением о включении в реестр его требования, указав на переход к нему требования банка на основании правил о суброгации (ст.ст. 365, 387 ГК РФ).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование кредитора признано обоснованным и подлежащим удовлетворению в составе третьей очереди реестра.

Изменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, арбитражный суд округа, ссылаясь на Обзор по субординации, исходил из того, что на момент исполнения аффилированным лицом обязательств перед банком должник находился в условиях имущественного кризиса, в связи с чем очередность удовлетворения суброгационного требования подлежит понижению.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Для целей квалификации суброгационного требования поручителя на предмет предоставления компенсационного финансирования значение имеет момент заключения договора поручительства, а не дата исполнения поручителем своих обязательств перед кредитором.

Как установили суды, имущественный кризис у должника возник позже заключения договора поручительства, в связи с чем вывод арбитражного суда округа о предоставлении компенсационного финансирования ошибочен.

В то же время, как указала Судебная коллегия, возражающие кредиторы ссылались на свободное внутригрупповое перемещение активов и транзитный характер движения денежных средств по счетам лиц, образующих группу, ставя под сомнение тот факт, что поручитель погасил обязательства должника перед банком за счет собственного имущества.

По смыслу п. 5 Обзора по субординации не подлежит удовлетворению заявление о включении требования в реестр, которое основано на исполнении обязательства должника внешнему кредитору, если аффилированное лицо получило возмещение исполненного на основании соглашения с должником.

Однако приведенные возражения кредиторов в нарушение положений ст.ст. 71, 168, 170, 271 АПК РФ не получили правовой оценки судов, внутригрупповые отно-

шения на предмет свободного перемещения спорных денежных средств судами не исследовались.

Арбитражный суд округа указанные недостатки не устранил.

20. Исполнение поручителем обязательств заемщика перед кредитором за счет средств, предоставленных третьим лицом, не препятствует замене кредитора на поручителя в деле о банкротстве заемщика.

В рамках дела о банкротстве общества в реестр требований его кредиторов включены требования банка.

В обеспечение исполнения обществом обязательств по кредиту между банком и поручителем заключен договор поручительства.

В отношении поручителя возбуждено дело о банкротстве по заявлению банка, требования банка включены в третью очередь реестра. Впоследствии производство по делу о банкротстве поручителя прекращено в связи с удовлетворением требований кредиторов, в том числе банка, третьим лицом в порядке, предусмотренном ст.ст. 113 и 125 Закона о банкротстве.

Данные обстоятельства послужили основанием для обращения поручителя в арбитражный суд с заявлением о процессуальной замене банка на поручителя в деле о банкротстве общества (заемщика).

Отказывая в удовлетворении заявления, суды исходили из того, что к поручителю не перешло право требования в порядке суброгации, поскольку в рамках дела о его банкротстве требования кредиторов погашены третьим лицом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно положениям ст.ст. 365 и 387 ГК РФ к поручителю, исполнившему обязательство, в силу закона переходят права кредитора по этому обязательству.

Поручитель ссылался на то, что обязательства должника по кредитному договору исполнены им за счет денежных средств, предоставленных третьим лицом в порядке, предусмотренном ст.ст. 113 и 125 Закона о банкротстве.

В силу общего правила, предусмотренного п. 14 ст. 113 названного Закона, денежные средства третьего лица считаются предоставленными поручителю на условиях договора беспроцентного займа. После предоставления займа денежные средства включены в имущественную массу поручителя, который (в лице финансового управляющего) направил их на расчеты с кредиторами, в том числе с банком.

Следовательно, состоявшееся исполнение обязательства перед банком должно квалифицироваться как осуществленное уже за счет средств самого поручителя, что, в свою очередь, влечет суброгацию. При этом источник средств, которые поручитель направил для исполнения этого обязательства, значения не имеет: это могли быть как его собственные средства, так и привлеченные (если только не имело место их транзитное движение).

При таких условиях выводы судов об отсутствии оснований для процессуальной замены являются ошибочными.

21. В целях установления вексельной задолженности в реестре требований кредиторов полномочия из векселя, переданного в залог, вправе осуществлять залогодержатель, являющийся векселедержателем.

Птицефабрика выдала заводу простые векселя в связи с наличием у нее непогашенной задолженности по договору поставки комбикорма.

Впоследствии банк и завод заключили договор залога данных векселей в обеспечение исполнения кредитных обязательств птицефабрики. Завод передал векселя банку по именным залоговым индоссаментам, содержащим оговорку “валюта в залог”.

В рамках дела о банкротстве птицефабрики требования банка из кредитных сделок включены в реестр требований кредиторов.

Завод обратился в суд с заявлением о включении вексельного долга в реестр.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, вексельные требования завода включены в третью очередь реестра и признаны подлежащими удовлетворению после погашения требований банка.

Разрешая спор, суды сочли, что отсутствие у завода оригиналов векселей не препятствует предъявлению им требований к птицефабрике, основанных на этих векселях, находящихся в залоге у банка. Сделки по выдаче векселей основаны на реальных обязательствах птицефабрики, не исполненных ею. Вексельные требования подлежат включению в реестр с удовлетворением в третью очередь. По мнению судов, вексельный долг перед заводом подлежит субординации по отношению к обеспечиваемым кредитным обязательствам перед банком, но по отношению к иным конкурсным кредиторам птицефабрики, не участвующим в кредитных и залоговых отношениях, завод должен получить удовлетворение в одной с ними очередности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты, указав следующее.

В рамках данного обособленного спора суды констатировали факт получения должником финансирования из двух источников: от кредитной организации на основании кредитных договоров и от первого векселедержателя на основании сделок, лежащих в основе выдачи простых векселей. И первое, и второе финансирование увеличивали имущественную массу должника, поэтому каждое из них должно быть возвращено.

По первому виду финансирования кредитором должника является банк.

В отношении второго вида финансирования кредитором птицефабрики также стал банк. Так, вследствие передачи ему по именному залоговому индоссаменту простых векселей банк приобрел статус законного векселедержателя и на основании ст.ст. 19, 77 Положения о переводном и простом векселе, введенного в действие постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341 (далее — Положение о векселе), вправе осуществлять все права по векселям, в том числе право на получение причитающейся суммы от обязанных лиц.

Завод, во владении которого векселя не находятся, наоборот, не мог заявить должнику какое-либо самостоятельное требование о включении вексельной задолженности в реестр, поскольку осуществление права, удостоверенного векселем, возможно только по его предъявлению (п. 1 ст. 142 ГК РФ).

Более того, завод, включивший в индоссамент оговорку “валюта в залог”, не включил в него оговорку “без оборота на меня” или какое-либо равнозначное выражение. Статьи 15, 77 Положения о векселе предусматривают, что индоссант, поскольку не оговорено обратное, отвечает за платеж. Это положение распространяется и на лицо, поставившее залоговый индоссамент. Поскольку в данном случае в индоссаменте не содержалась оговорка об исключении ответственности индоссанта, он сам отвечает перед векселедержателем (банком) в порядке, предусмотренном ст.ст. 48, 77 Положения о векселе.

Вексельное требование банка — законного векселедержателя, основывающего свое право на непрерывном ряде индоссаментов, до настоящего времени не рассмотрено судами и в реестр требований кредиторов птицефабрики не включено. Отношения банка (держателя векселей с залоговым индоссаментом) и векселедателя (птицефабрики) урегулированы Положением о векселе. Так, векселедатель, которому предъявлено требование

векселедержателем, владеющим векселем на основании залогового индоссамента, не вправе требовать представления договора о залоге или иных документов для подтверждения прав векселедержателя на получение вексельной суммы. Наличие и действительность этого права предполагаются.

Включив в реестр требование завода, суды, по сути, отдали приоритет требованию лица, обязанного перед банком за платеж по векселю, не исполнившего это обязательство и не владеющего ценной бумагой, перед требованием законного держателя векселя, что не соответствует приведенным нормам вексельного законодательства.

При таких условиях Судебная коллегия отказала заводу в установлении вексельного долга в реестре.

Реализация имущества на торгах и погашение требований кредиторов

22. Искусственное дробление функционально связанных объектов на несколько лотов при проведении торгов в деле о банкротстве может привести к ограничению круга участников торгов, цены, а потому не отвечает целям конкурсного производства.

В деле о банкротстве требования банка включены в реестр как обеспеченные залогом недвижимого имущества должника.

Судом на основании ходатайства конкурсного управляющего утверждено положение о начальной цене, порядке, сроках и условиях реализации имущества и имущественных прав должника (далее — положение о продаже), в соответствии с которым имущество, в том числе обремененное залогом в пользу банка, и имущественные права должника выставлены на торги двумя лотами.

Результаты торгов оформлены двумя протоколами, с победителями заключены договоры купли-продажи.

Банк как залоговый кредитор обратился в суд с заявлением о признании торгов недействительными.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявления отказано.

Суды исходили из того, что имущество и имущественные права реализованы двумя лотами на основании утвержденного положения о продаже. С требованием о внесении изменений в указанное положение банк не обращался. Доказательств того, что вошедшее в состав разных лотов имущество является единым комплексом, не представлено. Залоговый кредитор не доказал факт нарушения его прав и законных интересов спорными торгами.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление банка, указав следующее.

Реализация имущества должника посредством проведения торгов в конкурсном производстве подчинена общей цели названной процедуры — наиболее полное удовлетворение требований кредиторов исходя из принципов очередности и пропорциональности (абз. 16 ст. 2, ст.ст. 110, 111, 124, 139 Закона о банкротстве). Следовательно, действия, касающиеся формирования лотов, определения условий торгов и непосредственной реализации имущества, должны быть экономически оправданными, направленными на достижение упомянутой цели — получение максимальной выручки.

Обращаясь в суд с заявлением по данному обособленному спору, банк указывал на несоблюдение приведенного подхода при составлении лотов, выставленных на продажу. Он отмечал, что имущество должника, включенное в лот № 2, подлежит использованию для эксплуатации производственно-складского комплекса (недвижимость этого комплекса включена в лот № 1), является его частью, необходимой для обеспечения одного технологического процесса, отсутствует возможность самостоятельного использования объектов, вошедших в лот № 2, по иному назначению. Искусствен-

ное разделение неразрывно связанных между собой частей упомянутого комплекса повлекло продажу активов должника по заниженной стоимости.

Данные доводы ошибочно отклонены судами.

Так, при включении объектов в отдельные лоты предполагается, что объекты каждого обособленного лота могут быть самостоятельно (отдельно) использованы будущим покупателем в своей хозяйственной деятельности.

Разумный и добросовестный потенциальный покупатель, узнав о разделении права аренды земельного участка с находящимися на нем зданиями и внутренними дорог, обеспечивающих подъезд к этим зданиям, на два отдельных лота, воздержится от участия в торгах, так как имеется риск победы лишь по одному из лотов, а в этом случае возникнет неопределенность по поводу реальной возможности использования зданий, свободный доступ к которым зависит от воли иного лица — собственника дорог.

Этот вывод подтверждается и тем, что победитель торгов по лоту № 1, не имевший возможности использовать данный лот без имущества, вошедшего в лот № 2, впоследствии приобрел его у лица, признанного победителем торгов по лоту № 2.

Искусственное дробление функционально связанных объектов на несколько лотов бесосновательно снизило их привлекательность для независимых участников гражданского оборота, ограничило круг участников торгов, а следовательно, цену объектов, потому не отвечало целям конкурсного производства.

Выводы судов о действительности торгов и о возможности продажи имущества отдельно сделаны при неправильном применении норм права. Судебная коллегия признала спорные торги недействительными на основании п. 1 ст. 449 ГК РФ.

23. При оплате третьим лицом задолженности по обязательным платежам без санкции суда либо с нарушением установленного судом порядка арбитражный суд отказывает в признании требования об уплате обязательных платежей погашенным с возвратом денежных средств плательщику.

В ходе конкурсного производства банк 9 декабря 2020 г. обратился в суд с заявлением о намерении погасить задолженность должника по обязательным платежам в порядке, предусмотренном ст. 129¹ Закона о банкротстве.

Заявление принято судом к производству определением от 18 января 2021 г. Определением от 10 февраля 2021 г. (резолютивная часть объявлена 3 февраля 2021 г.) заявление банка о намерении удовлетворено, банку предложено погасить требование уполномоченного органа в тридцатидневный срок, на 3 марта 2021 г. назначено судебное заседание по разрешению вопросов о признании требования уполномоченного органа погашенным и о замене кредитора.

Впоследствии определением от 28 мая 2021 г. суд первой инстанции признал требование уполномоченного органа погашенным и заменил уполномоченный орган на банк в реестре требований кредиторов должника.

Суд апелляционной инстанции, отменяя определение суда первой инстанции от 28 мая 2021 г., счел, что уже к моменту удовлетворения заявления банка о намерении долг был погашен обществом, что подтверждено платежными поручениями от 29 января 2021 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции, оставила в силе определение суда первой инстанции, указав следующее.

При перечислении третьим лицом денежных средств в погашение задолженности по обязательным платежам без санкции суда либо с нарушением установленного судом порядка арбитражный суд отказывает в признании требования об уплате обязательных платежей погашенным, перечисленные денежные средства подлежат возврату плательщику.

Общество не обращалось с заявлением о намерении погасить обязательные платежи, санкцию суда не получало и перечислило денежные средства после того, как судом было принято к производству заявление о намерении другого лица — банка. Данное перечисление осуществлено обществом, являющимся мажоритарным кредитором должника, с единственной целью — блокировать возможность приобретения банком прав лица, участвующего в деле о банкротстве.

Банк погасил задолженность перед уполномоченным органом в полном объеме и в отведенный судом срок. Факт погашения долга подтвержден платежными поручениями и письмом налогового органа, согласно которому все платежи банка отражены в карточке расчетов должника с бюджетом.

С учетом изложенного суд первой инстанции правильно признал исполнение, произведенное обществом, ненадлежащим и подлежащим возврату плательщику в силу п. 12 ст. 129¹ Закона о банкротстве, а исполнение банка — отвечающим требованиям законодательства о несостоятельности и влекущим за собой замену кредитора на банк.

24. Требование о взыскании неустойки, обеспеченное залогом имущества должника, имеет приоритет перед необеспеченными требованиями других кредиторов по взысканию финансовых санкций.

В деле о банкротстве гражданина требование кредитора по основному долгу и неустойке включено в реестр как обеспеченное залогом квартиры.

Заложненное имущество реализовано на торгах.

Между финансовым управляющим и залоговым кредитором возникли разногласия относительно порядка (очередности) распределения полученных денежных средств, в частности, о приоритетном погашении причитающихся залоговому кредитору финансовых санкций.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, разногласия разрешены в пользу залогового кредитора.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и указала следующее.

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица — залогодателя, изложены в п. 5 ст. 213²⁷ Закона о банкротстве, по смыслу которого 80% суммы, вырученной от реализации предмета залога, направляются на приоритетное погашение требований залогового кредитора.

В то же время требование о взыскании неустойки учитывается отдельно в реестре требований кредиторов и подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов (п. 3 ст. 137, п. 1 ст. 213¹, п. 3 ст. 213²⁷ Закона о банкротстве).

Из этого следует, что обеспеченное залогом требование о взыскании неустойки подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов за пользование денежными средствами по требованиям всех кредиторов третьей очереди, включая незалоговых, однако оно имеет залоговое преимущество перед необеспеченными требованиями других кредиторов по взысканию финансовых санкций (п. 3 ст. 137, п. 5 ст. 213²⁷ Закона о банкротстве).

Таким образом, выводы судов о том, что залоговому кредитору подлежат перечислению денежные средства без соблюдения установленной п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве очередности погашения требований кредиторов, являются ошибочными.

25. При банкротстве залогодателя расходы на уплату коммунальных платежей, необходимых для поддержания заложенного имущества в исправном состоянии, покрываются за счет выручки от его реализации до начала расчетов с залоговым кредитором в соответствии с п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника (залогодателя) на разрешение арбитражного суда переданы разногласия об очередности удовлетворения требования компании об оплате расходов на содержание предмета залога, коммунальных услуг на общедомовые нужды и отопление (далее — требование об оплате коммунальных услуг).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, требование компании об оплате коммунальных услуг отнесены к четвертой очереди удовлетворения текущих платежей.

Отклоняя доводы компании о том, что такие расходы направлены на сохранность залогового имущества, суды отметили, что каких-либо договоров об обеспечении сохранности залогового имущества как с залоговым кредитором, так и с конкурсным управляющим компания не заключала; заявлений указанных лиц об обеспечении сохранности имущества не представлено; порядок и условия обеспечения сохранности предмета залога залоговым кредитором не утверждались. Суды отметили, что фактически спорные платежи являются обычными эксплуатационными расходами, связанными с обеспечением коммунальными услугами жителей жилого дома, где находились заложенные объекты недвижимости (квартиры и машино-места).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Правила, регулирующие соответствующие отношения, связанные с порядком распределения средств, вырученных от продажи предмета залога, установлены в ст. 138 Закона о банкротстве. Судам следовало определить правовую природу требований, в отношении которых возникли разногласия, чтобы соотнести, из какой части выручки конкретное требование подлежит погашению.

Так, согласно п. 6 указанной статьи вне очереди подлежали погашению расходы управляющего на проведение торгов, а также на обеспечение сохранности предмета залога.

Разрешая вопрос о том, относится ли оплата коммунальных услуг к обеспечению сохранности залогового имущества, суды ошибочно исходили из того, что для подобной квалификации требований управляющей компании (или ресурсоснабжающей организации) необходимо заключение какого-то специального договора об обеспечении сохранности, подачи соответствующих заявлений либо утверждения порядка обеспечения сохранности залоговым кредитором.

Положения п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве о расходах на сохранность предмета залога применяются к коммунальным платежам, необходимым для поддержания заложенного имущества в исправном состоянии. Поэтому для правильной квалификации подобных требований необходимо было установить, связано оказание конкретной коммунальной услуги с обеспечением сохранности предмета залога или нет.

В частности, если принять во внимание, что в залоге находился объект недвижимости, расходы на отопление (в том числе общедомовое) для поддержания температурного режима объекта непосредственно связаны с его сохранностью, а потому подлежали компенсации в порядке п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Учитывая, что перечень предъявленных компанией к возмещению расходов являлся обширным, суду необходимо проанализировать связанность конкретной услуги с

сохранностью предмета залога и исходя из этого определить, в каком размере требования компании подлежат внеочередному удовлетворению из суммы выручки на торгах, а в каком — удовлетворению в порядке общей очереди текущих платежей, указанной в п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве.

Вопросы ответственности контролирующих должника лиц и деятельности корпоративной группы

26. В размер субсидиарной ответственности на основании ст. 61¹² Закона о банкротстве не могут быть включены обязательства должника, образовавшиеся до нарушения ответчиком обязанности по своевременному обращению с заявлением о признании должника банкротом.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении бывшего руководителя к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, в том числе в связи с неисполнением обязанности по подаче заявления о признании должника банкротом.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, руководитель привлечен к субсидиарной ответственности, производство по заявлению в части определения размера ответственности приостановлено до окончания расчетов с кредиторами.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты, указав следующее.

По смыслу ст. 61¹² Закона о банкротстве предполагается наличие причинно-следственной связи между обманом контрагентов со стороны руководителя должника в виде намеренного умолчания о возникновении признаков банкротства, о которых он должен был публично сообщить в силу Закона, подав заявление о несостоятельности, и негативными последствиями для введенных в заблуждение кредиторов, предоставивших финансирование лицу, являющемуся в действительности неплатежеспособным.

Субсидиарная ответственность такого руководителя ограничивается объемом обязательств перед этими кредиторами, т.е. долгами, возникшими после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

Суды установили, что ответчик должен был инициировать процесс банкротства должника не позднее 31 июля 2018 г.

Однако руководитель должника указывал, что обязательства, возникших после названной даты и до возбуждения дела о банкротстве, не имеется.

Суды фактически включили в объем ответственности ранее возникшие обязательства, когда на стороне руководителя еще не возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве подконтрольного общества, а значит, не имел место обман кредиторов путем нераскрытия информации о тяжелом финансовом положении общества.

27. Делегирование руководителем части своих функций по управлению хозяйственной деятельностью юридического лица само по себе не является основанием для освобождения его от ответственности.

Решением суда расторгнут заключенный между администрацией и должником договор аренды земельного участка, на основании которого велся основной вид деятельности должника — размещение твердых бытовых отходов на полигоне, в связи с нарушениями, допущенными арендатором.

Впоследствии с должника в пользу администрации взысканы 3,7 млрд. рублей в качестве компенсации вреда, причиненного окружающей среде в процессе экс-

плуатации той части полигона, которая расположена на земельном участке, предоставленном по договору аренды, 2,5 млрд. рублей — как компенсация вреда, возникшего вследствие размещения отходов на земле, не находящейся в аренде.

Администрация является единственным конкурсным кредитором в деле о банкротстве должника.

Конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности его бывшего руководителя В. и акционеров К. и Л., ссылаясь на ненадлежащее исполнение руководителем должника обязанности по ведению (составлению), хранению и передаче конкурсному управляющему документации, а также на ведение упомянутым обществом под влиянием контролировавших лиц незаконной деятельности по размещению твердых бытовых отходов, повлекшей возникновение обязанности по выплате 6,2 млрд. рублей в возмещение вреда, причиненного окружающей среде.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявления отказано.

Отказывая в удовлетворении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, суды исходили из того, что обязанность по передаче документации конкурсному управляющему не была исполнена В. в связи с изъятием документации правоохранительными органами. Суды сочли, что лица, виновные в причинении вреда окружающей среде, установлены приговором суда общей юрисдикции. Опираясь на выписку из реестра юридических лиц, суды не признали К. и Л. контролирующими должника лицами ввиду того, что им принадлежали миноритарные пакеты акций.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Определяя объем вменяемых руководителю обязанностей, следует учитывать, что он действительно имеет право делегировать конкретные функции подчиненным работникам, доверять их компетентности и честности до обоснованного предела. Однако руководитель, реализовавший право на делегирование, не может уклониться от контроля за выполнением делегированных функций. При решении вопроса о его ответственности следует учитывать характер и масштаб хозяйственной деятельности подконтрольного юридического лица, фактически сложившуюся на предприятии ситуацию и т.д.

Исходя из характера основного вида деятельности должника, масштаба вменяемых нарушений (многократное превышение площади поверхности, на которую свозились отходы, невыполнение рекультивационных мероприятий), руководитель В. не мог не знать об этих нарушениях. Следовательно, он не вправе формально ссылаться на то, что делегировал функции по определению мест размещения отходов инженеру по охране окружающей среды, заместителю генерального директора по экологии и мастеру полигона как на основание освобождения от ответственности, так как руководитель в любом случае отвечает за бездействие, выразившееся в неосуществлении контроля за действиями названных работников.

Вопреки выводам судов сам по себе факт непривлечения В. к уголовной ответственности не свидетельствует об отсутствии состава гражданского правонарушения. Постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении В. не образует преюдиции для арбитражного суда (ст. 69 АПК РФ).

Судами не исследованы вопросы о том, был бы причинен вред окружающей среде и, как следствие, наступило бы объективное банкротство должника при организации В. надлежащей системы контроля, соответствующей обычной деловой практике.

Более того, лицам, контролирующим должника, вменялось создание и поддержание механизма, направленного на сокрытие реальной выручки от размещения отходов. Как полагал управляющий, данная должником бухгалтерская отчетность являлась явно недостоверной: в ней не отражен реальный оборот денежных средств, возникший в связи с эксплуатацией мусорного полигона.

Сведения о судьбе доходов, полученных при эксплуатации полигона, контролирующими лицами не раскрыты. В процедуре конкурсного производства имущество должника не выявлено. По мнению управляющего, отсутствие должного учета доходов стало необходимой причиной банкротства должника.

Суды не проверили данные доводы, приводимые конкурсным управляющим должника. Кроме того, не выяснено, кто в действительности являлся акционером должника. До установления указанных обстоятельств вывод о миноритарном характере участия К. и Л. является преждевременным.

При новом рассмотрении спора суду следует установить лиц, контролировавших должника, проверить доводы относительно сложившейся в этом обществе системы ведения бизнеса в части контроля за действиями работников, отражения реальной выручки от размещения отходов, выяснить, кем эта система создавалась и поддерживалась, исследовать вопрос о том, явились ли действия по созданию и поддержанию упомянутой системы необходимой причиной банкротства должника.

28. Контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности по обязательствам корпорации, когда в нарушение принципа имущественной обособленности допущено смешение их активов, создавшее условия невозможности осуществления расчетов с кредиторами.

Вступившим в законную силу решением суда с компанией в пользу общества взыскана задолженность за недопоставку товара.

Общество обратилось в суд с заявлением о признании компании банкротом. Впоследствии дело о банкротстве прекращено в связи с отсутствием у должника имущества, достаточного для финансирования процедуры.

Общество обратилось в суд с иском о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам компании братьев Т. (руководителя) и А. (единственного участника).

В период рассмотрения спора компания исключена из Единого государственного реестра юридических лиц в связи с внесением записи о недостоверности сведений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из недоказанности обществом неразумности и недобросовестности действий (бездействия) ответчиков, повлекших причинение ущерба кредиторам должника, а также противоправности их действий.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты, указав следующее.

Гражданское законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности (п. 1 ст. 48, пп. 1 и 2 ст. 56, п. 1 ст. 87 ГК РФ).

Исходя из сложившейся судебной практики, это предполагает наличие у участников корпораций, а также лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений и по общему правилу исключает возможность привлечения упомянутых лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица перед иными участниками оборота.

В то же время из существа конструкции юридического лица (корпорации) вытекает запрет на использование

правовой формы юридического лица для причинения вреда независимым участникам оборота (пп. 3—4 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ), на что обращено внимание в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве”.

Следовательно, в исключительных случаях участник корпорации и иные контролирующие лица (пп. 1—3 ст. 53¹ ГК РФ) могут быть привлечены к ответственности перед кредитором данного юридического лица, если неспособность удовлетворить требования кредитора спровоцирована реализацией воли контролирующих лиц, поведение которых не отвечало критериям добросовестности и разумности и не связано с рыночными или иными объективными факторами, деловым риском, присущим ведению предпринимательской деятельности (ст. 1064 ГК РФ, ст. 61¹¹ Закона о банкротстве, п. 3¹ ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”).

Участник корпорации или иное контролирующее лицо могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, которое в действительности оказалось не более чем их “продолжением”, в частности, когда самим участником допущено нарушение принципа обособленности имущества юридического лица, приводящее к смешению имущества участника и общества (например, использование участником банковских счетов юридического лица для проведения расчетов со своими кредиторами), если это создало условия, при которых осуществление расчетов с кредитором стало невозможным. В подобной ситуации правопорядок относится к корпорации так же, как и она относится к себе, игнорируя принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения.

К недобросовестному поведению контролирующего лица с учетом всех обстоятельств дела может быть отнесено также избрание участником таких моделей ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц и (или) способов распоряжения имуществом юридического лица, которые приводят к уменьшению его активов и не учитывают собственные интересы юридического лица, связанные с сохранением способности исполнять обязательства перед независимыми участниками оборота (например, перевод бизнеса на вновь созданное юридическое лицо в целях исключения ответственности перед контрагентами и т.п.).

В процессе рассмотрения дела общество указывало на вывод из компании денежных средств, за счет которых возможно было погасить задолженность перед ним, на личные счета ответчиков; фактический перевод бизнеса и активов компании на фирму (созданную до банкротства с наименованием, похожим до степени смешения на наименование компании); сохранение ответчиками контроля над компанией (в том числе оставление права распоряжения расчетным счетом должника) после их выхода из состава участников и прекращения исполнения обязанностей руководителя. Тем самым общество с помощью косвенных доказательств привело убедительные доводы о наличии у привлекаемых к ответственности лиц статуса контролирующих и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие их действий, в связи с чем бремя опровержения данных утверждений перешло на ответчиков.

Однако обстоятельства, на которые ссылался истец в обоснование своего требования, судами не исследованы.

В результате суды не стали исследовать и оценивать позицию ответчиков, отмечавших, что их действия не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на причинение вреда кредиторам. В частности, они ссылались на существовавшую модель ведения бизнеса путем кредитования должника контролирующими лицами для закупки необходимого товара, который

поставлялся контрагентам, после чего поступившие от них денежные средства перечислялись ответчикам как возврат займа. Ответчики также привели доводы о цели создания фирмы и об эффективной хозяйственной деятельности компании до выхода ответчиков из его состава и руководства.

Таким образом, решение по существу спора принято без установления имеющих существенное значение для дела обстоятельств, в связи с чем дело направлено на новое рассмотрение.

29. Переквалификация требований о привлечении к субсидиарной ответственности на требования о возмещении убытков возможна на стадии установления оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, а не на стадии определения ее размера.

Определением суда от 6 июня 2019 г. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника привлечены Ф. и Г., производство по рассмотрению вопроса о размере их субсидиарной ответственности приостановлено до окончания формирования конкурсной массы.

После возобновления производства по обособленному спору определением суда первой инстанции установлен размер субсидиарной ответственности Г. и Ф. в сумме 267 млн. рублей. С указанных лиц в конкурсную массу должника солидарно взыскана названная сумма.

Апелляционный суд согласился с указанными выводами, однако изменил резолютивную часть в части размера подлежащих взысканию средств (313 млн. рублей), исправив допущенную конкурсным управляющим техническую ошибку. При этом суд апелляционной инстанции не установил оснований для уменьшения размера субсидиарной ответственности указанных ответчиков.

Арбитражный суд округа отменил принятые судами определение и постановление, направив обособленный спор на новое рассмотрение, поскольку вывод судов о необходимости привлечения Г. к субсидиарной ответственности исходя из размера не погашенных за счет конкурсной массы требований должника сделан без установления всех фактических обстоятельств и исследования представленных доказательств, а вопрос возмещения названным лицом убытков судами не рассматривался.

Кроме того, суду предложено рассмотреть вопрос об объединении данного обособленного спора с иными (четырьмя) спорами о привлечении к субсидиарной ответственности в целях процессуальной экономии, поскольку принятие пяти апелляционных постановлений предполагает последовательную выдачу исполнительных документов на общую сумму, многократно (в пять раз) превышающую совокупный размер требований ко всем субсидиарным ответчикам.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа, оставила в силе постановление арбитражного апелляционного суда, указав следующее.

По общему правилу, если несколько контролирующих должника лиц действовали совместно, субсидиарную ответственность за доведение должника до банкротства они несут солидарно, что следует из положений абз. 1 ст. 1080 ГК РФ, п. 8 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве.

В рассматриваемом случае судом первой инстанции установлено соучастие Г. и Ф. в совершении действий, направленных на перераспределение активов должника с целью финансирования деятельности бенефициаров группы и извлечения ими существенной выгоды за счет имущественной базы должника, кумулятивный эффект от которых повлек за собой банкротство.

Данное обстоятельство исключало возможность повторной проверки судами выводов о наличии оснований для привлечения названных лиц к субсидиарной ответственности после возобновления производства по обособленному спору.

Выводы арбитражного суда округа о возможности переквалификации требований о привлечении к субсидиарной ответственности в иск о возмещении убытков в данной ситуации являлись ошибочными, поскольку подобная переквалификация, как правило, допускается на стадии установления оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, а не на стадии определения ее размера.

Указав на необходимость повторной проверки вопросов возмещения убытков ранее привлеченным к субсидиарной ответственности лицом, суд кассационной инстанции нарушил положение ст. 16 АПК РФ об общеобязательном характере принятого по данному делу и вступившего в законную силу судебного акта и недопустимости проверки такого судебного акта вне установленных законодателем процессуальных процедур его обжалования и пересмотра.

В этом обособленном споре судами подлежали рассмотрению и разрешению исключительно вопросы установления размера уже привлеченных к субсидиарной ответственности лиц — Г. и Ф., наличия (либо отсутствия) оснований для ее уменьшения. Детально исследовав все имеющиеся в деле доказательства, оценив приведенные сторонами доводы и возражения, апелляционный суд верно установил размер субсидиарной ответственности Г. и Ф., взыскав с них солидарно 313 млн. рублей.

Основанием к уменьшению размера субсидиарной ответственности привлекаемых к ней лиц по правилам абз. 2 п. 11 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве могут служить, в частности, следующие обстоятельства:

— наличие имевших место, помимо действий (бездействия) ответчиков, обстоятельств, повлекших неплатежеспособность должника;

— доказанная ответчиком явная несоразмерность причиненного им вреда объему реестра требований кредиторов;

— проявление ответчиком деятельного раскаяния, например, погашение вреда в причиненном размере, способствование нахождению имущества должника или иных бенефициаров и т.д.

Однако доказательства, свидетельствующие о наличии подобных обстоятельств, в материалы дела не представлены.

Оснований для применения предложенной ответчиками модели уменьшения размера субсидиарной ответственности путем изменения солидарного взыскания на долевое, его последующего дробления между всеми ответчиками в суммах, ограниченных размером причиненных ими прямых убытков, в данном случае не имелось и, по сути, было направлено на преодоление вступившего в законную силу определения от 6 июня 2019 г.

Вопреки выводам арбитражного суда округа оснований для отмены судебных актов по причине необходимости рассмотрения вопроса объединения обособленных споров в одно производство также не имелось. Кредитор вправе обратиться с требованиями ко всем солидарным должникам одновременно, закон допускает возможность выдачи арбитражными судами исполнительных листов для каждого солидарного должника с дальнейшим возбуждением по ним исполнительных производств (ст. 322 ГК РФ, ст.ст. 34, 47 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”). При этом права солидарных должников не нарушаются, поскольку в силу п. 1 ст. 325 ГК РФ исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитором.

Таким образом, само по себе взыскание с солидарных должников одних и тех же сумм в рамках разных обособленных споров или выдача нескольких исполнительных листов не свидетельствуют о том, что исполнение кредитором будет получено в полном объеме несколько раз.

30. Отсутствие корпоративных связей между потерпевшим и причинителями вреда не освобождает последних (в том числе контролирующих процедуру кредиторов) от гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков.

В процедуре конкурсного производства должник с одобрения собрания кредиторов продолжил производственную деятельность, перерабатывая давальческое сырье заказчика.

Полагая, что группа лиц (конкурсный управляющий, заказчик, общество и банк) использовала эту производственную деятельность в ущерб интересам должника и его кредиторов, налоговая служба обратилась в арбитражный суд с заявлением о взыскании с этой группы в солидарном порядке причиненных убытков.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано ввиду того, что ответчики в силу положений Закона о банкротстве не являлись лицами, контролировавшими должника до его банкротства, и, как следствие, не могли нести ответственность за причинение ему убытков.

Арбитражный суд округа направил обособленный спор в части отказа во взыскании убытков с конкурсного управляющего на новое рассмотрение, поскольку под руководством конкурсного управляющего должник работал по схеме, не покрывавшей даже себестоимости выполненных работ, в то время как заказчик получал существенную прибыль. В остальном арбитражный суд округа согласился с судами первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Лица, имеющие возможность определять действия юридического лица, могут причинить ему вред как до признания его банкротом, так и в ходе конкурсной процедуры вплоть до ликвидации юридического лица.

В конкурсном производстве должнику-банкроту может быть причинен вред как конкурсным управляющим, так и иными лицами; как самостоятельно, так и совместно. Для разрешения настоящего спора не имело значения, могли ли привлекаемые к ответственности лица контролировать должника в предбанкротный период; применения специальных положений Закона о банкротстве об ответственности контролировавших должника лиц не требовалось. В данном случае достаточно общих положений Гражданского кодекса РФ о возмещении вреда.

Отсутствие корпоративных связей между потерпевшим и причинителями вреда также не может быть основанием для освобождения последних от гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков.

Конкурсная процедура по общему правилу не предполагает продолжение должником производственной деятельности. Вместе с тем, если принято решение о продолжении производственной деятельности должника-банкрота, то разумный и добросовестный конкурсный управляющий должен принять меры для получения максимальной прибыли для пополнения конкурсной массы. Безразличное и тем более расточительное отношение конкурсного управляющего к рентабельности производственной деятельности не соответствует задачам конкурсного производства.

Налоговая служба указывала на высокую рентабельность деятельности должника и явно несправедливое — в ущерб должнику — распределение прибыли между участниками производственно-сбытовой схемы правоотношений, созданной в свою пользу лицами (в том числе кредиторами), имевшими возможность контролировать действия должника-банкрота.

Представляется, что любой конкурсный управляющий, действуя разумно, потребовал бы для должника, в результате деятельности которого и создается прибыль

для всех участников схемы, наиболее выгодных условий расчетов (распределения прибыли), например пропорционально приложенным усилиям.

Суды не изложили свои выводы по доводам сторон спора о необходимости работы должника по предложенной ему схеме правоотношений, о роли каждого из участников этой схемы и справедливом распределении прибыли.

Судебная коллегия также отметила, что суды оставили без внимания доводы сторон о групповом характере причинения вреда: в судебных актах не оценены ни доводы налоговой службы, ни доводы лиц, привлекаемых к ответственности. Намерение причинить вред, как правило, скрывается, в связи с чем требование от потерпевшего представления им прямых доказательств согласованной воли сопричинителей о совместном причинении вреда чрезмерно и неоправданно. Вывод об этих обстоятельствах может быть сделан на совокупности согласующихся между собой косвенных доказательств по принципу: установленные обстоятельства указывают на то, что, скорее всего, событие произошло только в результате согласованных действий.

В силу ст. 1080 ГК РФ при доказанности совместного причинения вреда конкурсным управляющим и иными лицами ответственность несет вся группа причинителей вреда солидарно.

31. Ведение предпринимательской деятельности в нарушение требований гражданского законодательства, предусматривающих осуществление юридическими лицами своих гражданских прав своей волей и в своем интересе, а также обособление принадлежащего организации имущества, может повлечь консолидацию конкурсных масс таких лиц.

Между торговым домом (заказчиком) и должником (исполнителем) заключен договор № 1 на оказание логистических услуг.

Впоследствии между должником и компанией заключен схожий договор № 2 (далее — дублирующий договор), в рамках которого заказчиком выступал уже должник, а компания — исполнителем. Предмет договора № 2 и тарифы на оказание услуг практически полностью повторяли условия договора № 1.

Должником от торгового дома по договору № 1 получены денежные средства за услуги, оказанные в июле и августе 2020 г., — после возбуждения дела о банкротстве должника.

Аналогичные услуги за этот же период компания оказала должнику по договору № 2. Компания потребовала у должника оплаты стоимости этих услуг как текущей задолженности по ст. 5 Закона о банкротстве.

Полагая, что долг перед компанией является фиктивным, банк как конкурсный кредитор обратился с заявлением о разрешении разногласий и признании не подлежащими удовлетворению за счет конкурсной массы текущих требований компании.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано. Суд указал на то, что компанией услуги фактически оказаны, текущие требования носят реальный характер.

Повторно разрешая спор, суд апелляционной инстанции установил, что договор № 2 заключен должником в преддверии банкротства с компанией, которая является аффилированным лицом; практически все денежные средства, которые должник получал от торгового дома, перечислялись аффилированным лицам; в 2019 году в компанию были переведены 365 сотрудников должника, что лишило последнего возможности оказывать услуги самостоятельно.

Из этого суд апелляционной инстанции сделал вывод, что в результате заключения между должником и компанией дублирующего договора контролирующие лица продолжили извлечение выгоды от пользования принадлежащим корпоративной группе логистическим комплексом (подп. 3 п. 4 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве).

Постановлением арбитражного апелляционного суда определение суда первой инстанции отменено, признаны не подлежащими удовлетворению за счет конкурсной массы текущие требования компании ввиду злоупотребления сторонами правом (ст. 10 ГК РФ).

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, в силе оставлено определение суда первой инстанции. Суд кассационной инстанции отметил, что договор с компанией является действующим, в установленном законом порядке недействительным не признан.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

Во-первых, в кассационных жалобах банк и конкурсный управляющий ставили вопрос о понижении очередности удовлетворения текущего требования компании.

Вместе с тем изложенные в п. 3¹ Обзора по субординации правовые позиции применимы к реестровым требованиям, так как компенсационное финансирование прикрывает неплатежеспособность должника от независимых кредиторов и осуществляется до возбуждения дела о его банкротстве. После названного момента факт имущественного кризиса становится публично раскрытым, в силу чего утаивание сведений о неблагоприятном финансовом положении должника невозможно.

Таким образом, по общему правилу разъяснения о понижении очередности удовлетворения требований не применяются к текущим платежам.

Во-вторых, в рамках данного спора фактически стоял вопрос о справедливом распределении выручки, поступившей в конкурсную массу от торгового дома за оказанные ему логистические услуги.

Гражданское законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности, что следует из положений п. 1 ст. 48, пп. 1 и 2 ст. 56, п. 1 ст. 87 ГК РФ. Последний из указанных принципов предполагает приобретение и осуществление юридическим лицом своих гражданских прав своей волей и в своем интересе согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ.

О нарушении приведенных принципов при ведении предпринимательской деятельности могут свидетельствовать создание организаций, дублирующих функции несостоятельного лица; запутанность внутргрупповых отношений, выражающаяся в свободном перемещении активов между аффилированными участниками корпоративной группы и транзитном движении денежных средств по их счетам.

Именно такие обстоятельства и были установлены судом апелляционной инстанции, констатирующим перевод логистического бизнеса должника на компанию посредством заключения дублирующего договора. Однако подобные факты не указывают на мнимость спорной текущей задолженности, а свидетельствуют о невозможности восприятия членов группы как самостоятельных, имущественно обособленных субъектов гражданского оборота. В подобной ситуации к должнику и компании необходимо относиться таким образом, как если бы их активы и пассивы по вопросу взаимоотношений с торговым домом были объединены (консолидированы).

С учетом этого в режиме текущих платежей должны быть погашены те расходы, которые бы должник в любом случае понес при самостоятельном исполнении договора № 1 с торговым домом (заработная плата, арендная плата за складской комплекс, транспортные расходы, приобретение расходных материалов, налоги, коммунальные и иные эксплуатационные платежи). Соответствующие имущественные последствия могут быть достигнуты путем обособления выручки, полученной от торгового дома, и предоставления лицам, фактически за-

действованным в оказании транспортно-логистических услуг с использованием складского комплекса, прямых требований к этой обособленной сумме.

Оставшиеся после погашения необходимых расходов денежные средства фактически являлись бы прибылью должника (которую контролирующие лица намеревались вывести посредством присвоения его предпринимательских возможностей и перевода бизнеса на компанию), в силу чего эти средства подлежат включению в конкурсную массу.

При этом вопрос о перечне и размере необходимых расходов судами не выяснялся, в связи с чем выводы о справедливом распределении спорных денежных средств в настоящий момент являлись бы преждевременными.

Особенности банкротства застройщиков

32. Лицо, привлекающее денежные средства в целях реализации квартир, признается застройщиком в соответствии с законодательством о банкротстве, независимо от наличия у него прав на земельный участок, на котором осуществляется строительство.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, общество признано банкротом, в отношении его открыта процедура конкурсного производства, в удовлетворении ходатайства кредитора о применении к обществу правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве отказано. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суды исходили из того, что общество не имеет прав на земельный участок и находящийся на нем многоквартирный дом, строительство которого не завершено. Разрешения на строительство обществу никогда не выдавалось.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении ходатайства о применении правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве, вопрос о применении этих правил направила на новое рассмотрение, указав следующее.

В обоснование ходатайства кредитор сослался на то, что передал обществу денежные средства в счет оплаты по договору, поименованному договором участия в долевом строительстве и предусматривающему передачу ему квартиры в строящемся многоквартирном доме.

Понятием “застройщик” для целей применения законодательства о несостоятельности охватывается более широкий круг лиц по сравнению с перечнем субъектов, которые относятся к застройщикам в соответствии с градостроительным законодательством. Различное содержание этого понятия отражает специфику отношений, урегулированных параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве, и обусловлено необходимостью предоставления дополнительной защиты участникам долевого строительства.

Так, согласно подп. 1 п. 1 ст. 201¹ Закона о банкротстве для целей несостоятельности застройщиком признается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, к которым имеются требования о передаче жилых помещений или особого рода денежные требования. При разрешении вопроса о наличии требования о передаче жилого помещения в силу п. 6 ст. 201¹ Закона о банкротстве во внимание принимаются договоры участия в долевом строительстве, купли-продажи будущего жилого помещения, предварительные договоры, договоры простого товарищества, сделки о привлечении заемных средств или о приобретении векселей с условием о дальнейшем прекращении заемных (вексельных) обязательств передачей жилых помещений и т.д. К числу денежных требований, характеризующих должника как застройщика, согласно подп. 4 п. 1 ст. 201¹ Закона о банкротстве относятся, помимо прочего, требования о возврате денежных средств, уплаченных до расторжения любого из упомянутых договоров, предусматривающих передачу жилого помещения, о возврате денежных

средств, уплаченных по такому договору, признанному недействительным или незаключенным.

Вопреки выводам судов в силу прямого указания в п. 2 ст. 201¹ Закона о банкротстве правила о банкротстве застройщиков применяются независимо от того, имеет ли должник на праве собственности, аренды или субаренды земельный участок, а также независимо от того, обладает ли он правом собственности или иным имуществом на объект строительства.

Из приведенных положений законодательства о несостоятельности следует, что отсутствие у общества разрешения на строительство, прав на земельный участок, фактическая ситуация, сложившаяся с признанием права собственности на квартиры в построенном доме и их заселением, не имеют правового значения для разрешения вопроса о возможности применения к обществу правил о банкротстве застройщиков. Равным образом решение этого вопроса не зависит от того, какие возмездные договоры общество подписывало с гражданами, соглашаясь передать им квартиры, зарегистрированы эти договоры или нет, признавались ли они незаключенными или недействительными.

Указанные обстоятельства не должны влиять на уровень правовой защищенности граждан, вложивших свои сбережения в строительство жилья. Сама по себе невозможность передачи гражданам помещений в натуре, на возникновение которой сослались суды в рамках данного дела, не может лишить их права на получение денежного удовлетворения за счет имущества общества в составе требований, относящихся к третьей очереди удовлетворения, т.е. приоритетно перед требованиями обычных кредиторов, погашаемых в четвертую очередь (п. 1 ст. 201⁹ Закона о банкротстве).

33. Внесудебное установление требований в реестре требований кредиторов застройщика осуществляется арбитражным управляющим только в отношении участников строительства.

Должник признан банкротом, в отношении его открыта процедура конкурсного производства по правилам параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве.

В ходе конкурсного производства кредитор обратился в суд с заявлением о включении требований, основанных на договоре участия в долевом строительстве, в реестр, просил признать требование обеспеченным залогом.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление возвращено кредитору. Суды сочли, что предъявленное к обществу требование первоначально должно быть рассмотрено конкурсным управляющим, а не арбитражным судом; суд уполномочен разрешать лишь разногласия, возникшие по результатам рассмотрения требования управляющим.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение, указав следующее.

По общему правилу, закрепленному в абз. 1 п. 6 ст. 16, абз. 1 п. 5 ст. 81, ст. 100, абз. 2 п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве, требования кредиторов устанавливаются арбитражным судом и включаются арбитражным управляющим в реестр на основании вступивших в законную силу судебных актов.

Параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве предусмотрено исключение из этого общего правила — установлены особенности рассмотрения требований участников строительства к застройщику.

Так, в силу пп. 3, 3¹, 8 и 10 ст. 201⁴ Закона о банкротстве денежные требования участников строительства, их требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений предъявляются конкурсному управляющему, который данные требования рассматривает. Возражения по результатам рассмотрения управ-

ляющим требований участников строительства могут быть заявлены в арбитражный суд.

При этом законодательством о банкротстве нормативно определено понятие “участник строительства” для целей применения приведенных специальных положений о первичном внесудебном разрешении конкурсным управляющим их требований. К таким участникам строительства относятся физические лица, имеющие к застройщику требования о передаче жилого помещения, машино-места или нежилого помещения, площадь которого не превышает 7 кв.м, а также публично-правовые образования, имеющие к застройщику требования о передаче жилого помещения, либо названные лица, имеющие к застройщику следующие денежные требования:

о возврате денежных средств, уплаченных по договору, предусматривающему передачу жилого помещения, машино-места или нежилого помещения, площадь которого не превышает 7 кв.м, в том числе по договору, признанному недействительным, незаключенным;

о возврате стоимости имущества, переданного застройщику по указанному договору;

о возмещении убытков в виде реального ущерба, причиненных нарушением договорного обязательства застройщика передать жилое помещение, машино-место, нежилое помещение, площадь которого не превышает 7 кв.м (подп. 2, 3¹ и 4 п. 1 ст. 201¹ Закона о банкротстве).

Таким образом, конкурсный управляющий застройщика не уполномочен рассматривать требования, включая денежные, кредиторов, в том числе физических лиц, основанные на договорах, предусматривающих передачу нежилых помещений площадью более 7 кв.м.

Поскольку в рассмотренном случае кредитор обратился в суд, сославшись на неисполнение должником-застройщиком договорного обязательства по передаче нежилого помещения площадью 71,5 кв.м, его заявление подлежало рассмотрению арбитражным судом по общим правилам ст. 100 Закона о банкротстве.

34. Требования лица, осуществляющего совместную с застройщиком деятельность на основании договора простого товарищества, не могут в деле о банкротстве конкурировать с требованиями граждан, вложивших денежные средства в целях приобретения жилья для личных нужд.

Арендатор и должник (субарендатор) заключили договор субаренды земельного участка. Между должником и арендатором также заключено 12 договоров долевого участия, которые зарегистрированы в установленном порядке. Впоследствии арендатор уступил права требования к должнику по договорам долевого участия другому лицу (кредитору).

Должник обязательства по передаче квартир не исполнил, конкурсный управляющий во включении соответствующего требования в реестр отказал, что послужило основанием для обращения кредитора в суд с заявлением о включении в реестр требований о передаче жилых помещений его требования в отношении 12 квартир.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Судами установлено, что всего между должником и арендатором заключены договоры участия в долевом строительстве в отношении 148 объектов. В этот же период права требования уступлены арендатором в пользу третьих лиц, в том числе кредитора (37 квартир). При этом суды пришли к выводу о недоказанности факта оплаты кредитором договоров долевого участия.

Отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, арбитражный суд округа указал на необходимость дополнительной проверки финансовой возможности кредитора произвести оплату по договорам цессии, констатируя отсутствие материальных претензий должника к арендатору.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда касса-

ционной инстанции, оставила в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

Материально-правовой интерес лица при заключении договора долевого участия в строительстве многоквартирного дома заключается в приобретении по окончании строительства предусмотренного договором жилого помещения. После возбуждения в отношении застройщика процедуры банкротства защиту такого интереса обеспечивают положения параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве.

Основной целью введения законодателем особых правил банкротства застройщиков являлось приоритетное обеспечение защиты прав граждан — участников строительства как непрофессиональных инвесторов, а статус участника строительства многоквартирного дома согласно ст. 201⁹ Закона о банкротстве гарантирует приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам.

Судами установлено, что заключению договоров долевого участия в строительстве с арендатором предшествовало предоставление арендатором в пользу должника земельного участка в субаренду. Арендатор предоставлял земельный участок для строительства, а должник возводил объект недвижимости на этом земельном участке.

Данные обстоятельства позволяют констатировать, что между указанными лицами фактически сложились отношения, вытекающие из договора простого товарищества (ст. 1041 ГК РФ).

Так, обязанностью должника передать арендатору спорные квартиры, по сути, определялся размер прибыли, на которую последний рассчитывал в результате вложения вклада в виде земельного участка, являющегося предметом договора субаренды.

Следовательно, арендатор не приобретал квартиры не для личных нужд, а осуществлял совместную деятельность с застройщиком, в связи с чем его требования к должнику не могут конкурировать с требованиями граждан, вложивших личные денежные средства для решения жилищного вопроса.

В то же время подобная квалификация статуса арендатора не должна ухудшать положение добросовестных лиц, которые, полагаясь на данные Единого государственного реестра недвижимости, приобрели у арендатора права требования по договорам долевого участия в строительстве, поскольку при осуществлении предпринимательской деятельности товарищи отвечают солидарно по всем общим обязательствам в силу п. 2 ст. 1047 ГК РФ. Такое регулирование действует и в случае прекращения договора простого товарищества вследствие признания одного из товарищей банкротом, что следует из положений абз. 3 п. 1, абз. 2 п. 2 ст. 1050 ГК РФ.

Однако в данном случае судами установлено, что кредитор приобрел у арендатора в общей сложности права требования по передаче 37 квартир, в связи с чем он фактически является профессиональным инвестором.

Кроме того, суды первой и апелляционной инстанций неоднократно предлагали кредитору представить доказательства, подтверждающие оплату по договорам участия в долевом строительстве, и сведения о финансовой возможности приобрести объекты недвижимости. Кредитор соответствующие документы не представил, а имеющиеся в деле доказательства оценены судами в установленном порядке. При таких обстоятельствах указание арбитражного суда округа на необходимость повторной проверки финансового состояния кредитора для покупки спорных квартир нарушает принципы равноправия и состязательности.

С учетом изложенного у суда кассационной инстанции отсутствовали правовые основания для отмены судебных актов судов первой и апелляционной инстанций.

35. При передаче фонду прав и обязанностей застройщика в размер обязательств, погашаемых фондом, включаются требования участников строительства по возмещению убытков в виде реального ущерба, представляющих собой разницу между актуальной стоимостью жилого помещения и суммой денежных средств, уплаченных участником строительства по договору.

В рамках дела о банкротстве должника фонд обратился с заявлением о намерении стать приобретателем имущества застройщика с определением соотношения между передаваемыми фонду правами должника на земельные участки с находящимися на них неотделимыми улучшениями и совокупным размером требований участников строительства, включенных в реестр, установив как итог размер требований фонда, подлежащих включению в реестр в соответствии с п. 4 ст. 201¹⁵⁻¹ Закона о банкротстве.

Определением арбитражного суда первой инстанции заявление о намерении удовлетворено, в том числе определен размер требований фонда, подлежащих включению в реестр, в сумме 238 млн. рублей.

Постановлением арбитражного апелляционного суда данное определение отменено в части включения требований фонда в реестр, в этой части отказано в удовлетворении требования. Суд указал, что с передачей фонду прав застройщика денежные требования участников строительства по возмещению убытков признаются погашенными, следовательно, данные убытки не учитываются при передаче объекта приобретателю.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного апелляционного суда, определение суда первой инстанции в части включения требований фонда в реестр требований кредиторов, направила обособленный спор в отмененной части на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с требованиями ст. 201¹⁵⁻¹ Закона о банкротстве передача иному застройщику (приобретателю) имущества должника и его обязательств перед участниками строительства производится на возмездной основе, результатом которой является соотношение стоимости прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и совокупным размером требований участников строительства должника, включенных в реестр (далее — соотношение встречных предоставлений), с целью разрешения вопроса о наличии оснований для включения требований приобретателя в реестр должника или, напротив, о наличии у приобретателя обязанности перечислить денежные средства в пользу должника.

Для правильного расчета указанного соотношения в данном деле ключевым является надлежащее определение совокупного размера требований участников строительства, которые фонд как приобретатель должен будет исполнить.

В силу п. 2 ст. 201⁵ Закона о банкротстве при определении размера требований участников строительства учитывается не только размер уплаченного застройщику по соответствующему договору, но и размер убытков в виде реального ущерба, не являющихся самостоятельными требованиями и представляющих собой разницу между стоимостью жилого помещения, которое должно было быть передано участнику строительства, и суммой денежных средств, уплаченных по договору, предусматривающему передачу жилого помещения.

Судебная коллегия признает верной позицию о необходимости учитывать размер убытков участников строительства в виде реального ущерба при определении соотношения встречных предоставлений.

Принимая на себя задолженность перед участниками строительства, фонд обязуется передать им готовые (построенные) квартиры в текущий момент времени. Предполагается, что стоимость квартиры включает в себя две составляющие: сумму, уплаченную застройщику по договору, и реальный ущерб, упомянутый в п. 2

ст. 201⁵ Закона о банкротстве (разница между текущей стоимостью квартиры и суммой по договору), которые и погашаются в результате передачи квартиры участнику строительства. При этом с учетом фиксации реального ущерба на момент открытия первой процедуры стоимость квартиры зачастую может превышать совокупный размер договорной стоимости и реального ущерба.

Таким образом, в результате приобретения прав и обязанностей застройщика к фонду переходит и обязанность компенсировать размер реального ущерба, определенного п. 2 ст. 201⁵ Закона о банкротстве, в связи с чем соответствующие суммы должны учитываться при определении соотношения встречных предоставлений.

С учетом изложенного являются ошибочными выводы арбитражного апелляционного суда, ставшие основанием для частичной отмены определения суда первой инстанции.

36. При передаче приобретателю имущества застройщика залоговые права кредиторов, не являющихся участниками строительства, в отношении земельного участка и его неотделимых улучшений прекращаются. Такие кредиторы имеют право требовать у приобретателя компенсацию за прекращение их залоговых прав.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества фонд обратился в суд с заявлением о намерении стать приобретателем прав застройщика.

Определением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявление о намерении удовлетворено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ изменила определение первой инстанции, вопрос об определении размера компенсации лицам, ранее являвшимся залоговыми кредиторами, перед которыми у фонда, действующего в целях защиты прав граждан — участников долевого строительства, не возникли обязательства по предоставлению помещений, направила в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, указав следующее.

Кредиторы И. и П. являлись залогодержателями имущества, передаваемого фонду.

В соответствии с чч. 14 и 17 ст. 16 Федерального закона от 27 июня 2019 г. № 151-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 151-ФЗ) фонд не обязан был получать согласие залоговых кредиторов И. и П. на передачу ему имущества, прав и обязательств застройщика.

Обязательства перед И. и П. не перешли к фонду при передаче последнему имущества, прав застройщика. Одновременно ранее возникший залог в пользу И. и П. прекратился в силу закона (абз. 2 п. 11 ст. 201¹⁵⁻² Закона о банкротстве).

Суть возражений кредиторов сводилась к тому, что вследствие одного лишь факта передачи заложенного имущества, прав фонду они не могут быть лишены возможности получить удовлетворение за счет стоимости находившегося ранее в залоге имущества.

Постановлением от 21 июля 2022 г. № 34-П Конституционный Суд РФ признал чч. 14 и 17 ст. 16 Закона № 151-ФЗ во взаимосвязи с п. 11 ст. 201¹⁵⁻² Закона о банкротстве не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не предусматривают необходимых правовых гарантий защиты прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, при прекращении их залоговых прав в связи с передачей земельного участка, объекта незавершенного строительства фонду, действующему в целях защиты прав граждан — участников долевого строительства, в рамках дела о банкротстве застройщика.

Конституционный Суд РФ также указал на то, что неконституционность не означает восстановление залоговых прав кредиторов, не являющихся участниками строительства и приобретших права залогодержателей до принятия оспоренного регулирования. Таким образом, согласия И. и П. на передачу имущества, имущественных прав фонду не требовалось. Обязательства перед ними к фонду не перешли. Их залоговое обременение, возникшее ранее, подлежит прекращению в силу закона.

Одновременно Конституционный Суд РФ в названном Постановлении установил временный порядок защиты прав лиц, ранее являвшихся залоговыми кредиторами застройщика, перед которыми у фонда не возникли обязательства по передаче помещений, предусмотрев механизм предоставления им компенсации со стороны фонда в пределах, определенных в Постановлении, в виде:

выплат, осуществляемых в порядке и на условиях, определенных п. 6 ст. 201¹⁰ Закона о банкротстве и абз. 5 п. 4 резолютивной части Постановления, размер которых не зависит от продажи фондом помещений в полученном им от застройщика объекте незавершенного строительства (компенсация, причитающаяся залогодержателю из самого факта отчуждения (реализации) фонду заложенных объектов по цене, равной оценочной стоимости прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями, ставящая залогодержателя в то же положение, как если бы данные объекты были проданы по этой цене на торгах в процедуре банкротства и вырученные от продажи средства распределены бы в соответствии с законодательством о банкротстве между всеми залогодержателями, включая граждан — участников строительства, но в размере, не превышающем 50% от размера их требований к застройщику; далее — первоначальная компенсация);

распределяемой на условиях, предусмотренных абз. 4 п. 4 резолютивной части данного Постановления, части выручки от реализации фондом помещений в полученном им объекте строительства, уменьшенной на расходы фонда, понесенные в связи с участием в отношениях по поводу достройки объекта, включая расходы на оплату услуг и работ, направленных на ввод объекта в эксплуатацию, а также относящиеся к объекту операционные расходы самого фонда (зарплата персонала, аренда помещений, транспортные расходы и т.д.) и расходы на уплату налогов (компенсация из чистой прибыли фонда, полученной им по итогам выполнения проекта по достройке проблемного объекта; далее — последующая компенсация).

Первоначальная компенсация устанавливается арбитражным судом при принятии им определения о передаче фонду имущества, прав и обязательств застройщика. К этому времени размер данной части компенсации является определяемым.

Последующая компенсация напрямую зависит от суммы, поступившей от фактической реализации фондом помещений в объекте незавершенного строительства, и расходов, реально понесенных им в связи с участием в правоотношениях по поводу данного объекта. Указанные параметры могут существенно корректироваться в ходе строительства и значительно отличаться от расчетных величин. Таким образом, последующая компенсация, в отличие от первоначальной, не может быть с высокой степенью достоверности определена на момент вынесения арбитражным судом определения о передаче фонду имущества, прав и обязательств застройщика. Поэтому в резолютивной части названного определения суд указывает на приостановление производства по вопросу об установлении последующей компенсации (применительно к ст. 143 АПК РФ).

Наличие неразрешенного вопроса о размере последующей компенсации само по себе не препятствует завершению конкурсного производства в отношении

должника-застройщика, если все необходимые мероприятия управляющим уже будут выполнены, а определенности по поводу параметров, необходимых для расчета этой части компенсации, еще не возникнет. В этом случае к ходатайству о завершении конкурсного производства, направляемому в арбитражный суд, конкурсный управляющий прилагает отдельный документ, содержащий сведения о размере обязательств перед лицами, не относящимися к числу участников строительства (подп. 2 п. 1 ст. 201¹ Закона о банкротстве), ранее являвшимися залоговыми кредиторами, требования которых остались непогашенными.

После реализации помещений и окончательного установления суммы расходов фонда последний уведомляет об этом конкурсного управляющего и арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, что является основанием для возобновления производства по вопросу об установлении последующей компенсации. К уведомлению фонда должны быть приложены расчет выручки от реализации и расчет затрат фонда, возникших в связи с его участием в достройке проблемного объекта и вводом этого объекта в эксплуатацию, а также подтверждающие расчеты документы. В свою очередь, конкурсный управляющий, получив уведомление фонда, на основании п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве осуществляет проверку представленных фондом сведений и производит расчет выплат, причитающихся каждому из кредиторов. По результатам рассмотрения вопроса об установлении последующей компенсации арбитражный суд выносит определение.

В рассматриваемом случае, санкционируя передачу фонду имущества, прав и обязательств общества-застройщика, суды не определили компенсацию лицам, ранее являвшимся залоговыми кредиторами, перед которыми у фонда не возникли обязательства по предоставлению помещений.

37. При передаче имущества застройщика приобретатель обязан погасить требования всех кредиторов по текущим платежам, которые были бы удовлетворены, если бы такая передача не состоялась.

В рамках дела о банкротстве застройщика определением суда первой инстанции удовлетворено заявление фонда о намерении стать приобретателем прав на земельный участок с неотделимыми улучшениями, фонду предписано перечислить на специальный банковский счет должника 10 млн. рублей. Определяя указанную сумму,

суд руководствовался положениями ст.ст. 201¹⁰, 201¹⁵ Закона о банкротстве и исходил из того, что подлежат компенсации все текущие расходы, непосредственно связанные с имуществом должника, подлежащим передаче фонду.

Изменяя определение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции исходил из того, что по смыслу п. 5 ст. 201¹⁰ Закона о банкротстве могут быть погашены исключительно текущие платежи первой очереди, а также установленная на определенную дату задолженность первой и второй очередей реестра требований кредиторов. При таких условиях суд постановил, что компенсации подлежат расходы в размере 5 млн. рублей.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного апелляционного суда, указав следующее.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 34-П положения п. 5 ст. 201¹⁰, абз. 2 п. 2 ст. 201¹⁵, подп. 1 п. 8 ст. 201¹⁵⁻¹ Закона о банкротстве признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ими не допускается погашение требований кредиторов по текущим платежам, не относящихся к первой очереди удовлетворения текущих платежей, о возмещении расходов, обеспечивающих завершение конкурсного производства.

Если бы приобретатель (фонд) не обратился с заявлением о намерении, имущество (земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями), оставаясь у застройщика, могло бы рассматриваться как возможный источник погашения задолженности перед текущими кредиторами, однако при его переходе к приобретателю такая возможность утрачивается. В то же время деятельность соответствующих кредиторов застройщика направлена на проведение отдельных мероприятий по строительству объекта, обеспечение его сохранности, надлежащее осуществление процедур банкротства, что также содействует успешному завершению строительства.

Таким образом, при передаче имущества застройщика фонду или иному лицу для завершения строительства приобретатель обязан погасить требования всех кредиторов по текущим платежам, которые были бы удовлетворены, если бы такая передача не состоялась.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
26 апреля 2023 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В.,
Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нефедов О.Н.,
Петрова Т.А., Подносова И.Л., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство «Юридическая литература»
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 31.05.2023. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 6,62. Тираж 7336 экз. Заказ 50-2023.

Отпечатано в ООО «СИНТЕРИЯ».
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
